IIEOS MONOGRAPH SERIES 15

A KYALUNDZYUGA-SIMONOV DICTIONARY OF THE UDEGHE (UDIHE) LANGUAGE

INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ETHNOLINGUISTIC AND ORIENTAL STUDIES
PL-62-060 STĘSZEW, POLAND

MONOGRAPH SERIES

15/1

КЯЛУНДЗЮГИ-СИМОНОВА СЛОВАРЬ УДЭГЕЙСКОГО ЯЗЫКА

УДЭГЕЙСКО-РУССКО-УДЭГЕЙСКИЙ

(ПРЕПРИНТ)

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАН
АЛЬФРЕДОМ Ф. МАЕВИЧЕМ

СТЕНШЕВ
1998

ISSN 1230-3283

INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ETHNOLINGUISTIC AND ORIENTAL STUDIES
PL-62-060 STĘSZEW, POLAND

MONOGRAPH SERIES

15/1

A KYALUNDZYUGA - SIMONOV DICTIONARY OF THE UDEGHE (UDIHE) LANGUAGE

UDEGHE - RUSSIAN - UDEGHE

(PREPRINT)

VOLUME ONE

PUBLISHED BY
ALFRED F. MAJEWICZ

IIEOS
1998

ISSN 1230-3283

ISBN 83-902273-8-X

© by Valentina Tunsyanovna Kyalundzyuga,
Mikhail Dmitryevich Simonov, and IIEOS, 1998.

A Dictionary of the Udeghe (Udihe) Language,
Khor River Region Dialect
compiled by Mikhail Dmitrievich SIMONOV
principal informant: Valentina Tunsyanovna KYALUNDZYUGA

Словарь удэгейского языка (корский диалект)
составлен Михаилом У. СИМОНОВЫМ
главный информант и сотрудник: Валентина Т. Кялундзюга

Preface

Recent research results reveal the current existence in the world of about 7,000 ethnolects that on various reasons can be regarded as independent languages. Closer analysis of these results also reveals that within the coming two decades up to a half of these ethnolects will disappear, often without even being recorded for posteriority (most probably, less than 20% of the world's languages have been recorded to a varying degree, and less than 5% are more or less fully described !). Most of the ethnolects that are moribund, facing extinction or being actually extinct (still remembered by older generations but not transferred to the youths) are what is euphemically labeled "lesser-used" languages (in fact, many of them are no longer used except for very special occasions or artificial situations). This very estimate determines priorities in linguistic research for the near future: to record as much as possible of the thus-far unrecorded or unsatisfactorily recorded languages that face immediate extinction (cf. "Introduction" to B. Synak & T. Wicherkiewicz (eds.) 1997. *Language Minorities and Minority Languages in the Changing Europe, Proceedings of the 6th International Conference on Minority Languages, Gdańsk, 1-5 July, 1996*. Gdańsk University Press, pp. 22ff., also A. F. Majewicz 1998. "Minority Language Preservation Strategies and Minority-related Conflict-evasion Policy Suggestions for Eastern Europe and for Siberia", in: K. Inoue & T. Uyama (eds.) *Quest for Models of Coexistence: National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, pp. 133-59).

The tongue of the Udeghe, a small Tungusic group living in the south of the Ussuri taiga in Russian Far East, is such a moribund language and the present dictionary is an attempt to respond to the above-mentioned linguistic must. The language ranks among the least sufficiently researched Tungusic ethnolects, and its prospects of survival are virtually none: there are no speakers below the age of sixty and even if attempts at introducing it (to be sure: as a second, alien, "foreign" language) to childeren of Udeghe descent in the curricula of local schools proves successful to any degree, no miraculous revival can be expected, although it would be a very positive development to retain at least remnants of it as exponents of cultual heritage, ethnic self-identification, and national pride (the Udeghe do have sound reasons to be proud of being Udeghe !).

The dictionary, compiled by Ms. Valentina Tunsyanovna **Kyalundzyuga**, and Udeghe lady from the village of Gvansyugi on the Khor (Hor) river, Lazo region of Khabarovskiy Kray, born in 1936, educated (Pedagogical Institute in Khabarovsk) and with expert knowledge of the Udeghe language and culture, the principal informant for the material contained in the book, and Mikhail Dmitryevich **Simonov**, a noted specialist in Tungusic languages from the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, in Novosibirsk, is the first academic dictionary of the Udeghe language to date and at the same time by far the largest of all of the very few dictionaries and word lists so far published (cf. the Tables illustrating the appropriate chapter in the "introduction"). Simultaneously, it is a storehouse of unique and invaluable information of all sorts on the Udeghe culture. No doublt, it is a monument of the Udeghe heritage and a milestone in Manchu-Tungusic studies.

As far as the language is concerned, the dictionary records well over 2,900 different Udeghe words, including 1414 words newly recorded, providing extensive illustrative material and copious extralinguistic explanations. Valuable and indispensable appendices, including a Russian-Udeghe dictionary-index to the basic Udeghe-Russian part, follow. An English index-guide is planned to be compiled and published in some future.

All persons and institutions that in any way contributed to the materialization of the idea to print such a dictionary even in this very modest form are addressed with words of sincere gratitude from the compilers and the publisher. Special thanks are due to Mr. Aleksey Alekseyevich Burykin of St.Petersburg (Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics) for his friendly and exemplarily selfless supply of unique publications and archival material, to Dr. Jerzy Tulisow of the Institute of Oriental Studies, Warsaw University, for facilitating access to the 1898 work by S.N. Brailovskiy, and to Ms. Otgonsuch Cagaany of the Chair of Oriental and Baltic Studies, Adam Mickiewicz University, Poznań, for technical assistance. The Chair of Oriental and Baltic Studies has to be thanked cordially for including the project of research on small languages of Siberia among its own research programs. The tables to illustrate the "outline of Udeghe lexicology" that follow the table of contents have all been copied from items kept with the collections of IIEOS.

Steszew, August 14, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Preface v

Введение - Introduction 1

1. Краткие сведения об удэгейцах
   Short information on the Udeghe 1
2. История удэгейской лексикографии
   Outline of Udeghe lexicography 3
3. Принципы составления нового удэгейско-русского словаря
   Principles of compilation of the new Udeghe-Russian
   Dictionary 6
   - 3.1. Словарные источники - Sources for the Dictionary ... 7
   - 3.2. Проблемы требующие решения. Фонологическая система удэгейского языка - Problems to be solved. Phonemic system of Udeghe 11
   - 3.3. Проблема частей речи - Lexical categorization 18
   - 3.4. Грамматические сведения в словарных статьях - Grammatical information in entries 25
   - 3.5. Семантическая рубрикация словарной статьи - Semantic subclassification of entry words 32

Литература - Bibliography 37

О построении словаря - the structure of the Dictionary 39

Сведения об информантах - Notes on informants 49

Список сокращений - Abbreviations and conventions 53

Удэгейский алфавит - the Udeghe alphabet 59

А 61
Б 131
В 202
Г 221
Д 267
З 309
И 344
Й 394
К 435
Л 515
М 531
Н 585
Ь 637
Ц 659
О 684

П 739
С 757
Т 851
У 928
Х 977
Ч 1050
Э 1087

Русско-удэгейский указатель - Russian-Udeghe index 1149
Introduction 1149
Dictionary-index 1154
Appendices 1253
Названия разных видов растений, животных, и т. п., не имеющих точных русских эквивалентов - names of plants, animals, etc., with no direct Russian equivalents ... 1253
Непереводимые этнографические термины - specific Udeghe ethnographic terminology 1254
Собственные имена - proper names 1255
Топонимы - place names 1255
Имена людей, животных, злых духов, клички собак - names of persons, animals, evil spirits, dogs . 1256
Родовые названия и фамилии - clan and family names 1258
---- Непереводимые междометия и образные слова - exclamations and iconic words 1258
---- Непереводимые приёвки в песенных монологах фольклорных героев - iconic words from monologues sung by folkloristic heroes 1259
---- Местная русская лексика - regional Russian words . 1259
---- Список вновь зафиксированной удэгейской лексики - a list of newly recorded 1414 Udeghe words 1261
---- Список русских заимствований - a list of Russian words 1287

T A B L E S

illustrating the "Outline of Udeghe lexicography"

(this volume, pp. 3-6)

Prof. Dr. ALFRED F. MAJEWICZ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ

Материалы к этимологическому словарю

Том II
О–Э

INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ETHNOLINGUISTIC AND ORIENTAL STUDIES
PL – 62-060 STESZEW. POLAND

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград
1977

The "comparative Manchu-Tungusic dictionary" of 1975-77 lists 2554 genuine Udeghe words (cf. this volume, p. 6).

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ИНСТИТУТА НАРОДОВ СЕВЕРА
им. П. Г. СМИДОВИЧА ГЛАВСЕВМОРПУТИ ПРИ СНК СССР

2.18856

Е. Р. ШНЕЙДЕР

КРАТКИЙ УДЭЙСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОЧЕРКА

Prof. Dr. ALFRED F. MAJEWICZ

INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ETHNOLINGUISTIC AND ORIENTAL STUDIES
PL – 62-060 STĘSZEW, POLAND

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

The title-page of 70-page (148 pp. with a grammar) Shneider's 1936 "Short Udihe-Russian Dictionary".

по языку анюйских удэ.

Prof. Dr. ALFRED F. MAJEWICZ
INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ETHNOLINGUISTIC AND ORIENTAL STUDIES
PL – 62-060 STĘSZEW, POLAND

СЛОВАРЬ

Материалом для настоящего словаря послужили тексты, записанные на Анюе в 1933 г. Большинство из них публикуется в настоящей работе. Слова приводятся в следующих формах: имена и послелоги даны в форме именительного падежа единственного числа;[1] наречия и междометия — в формах, встречающихся в текстах; глаголы даются в виде основ. При этом приводятся все встречающиеся в текстах видовые и залоговые основы, а также основы глаголов, выражающих несколько действий. В словарь включены также частицы.

Слова расположены в следующем порядке: a, в, c, d, s, e, ə, ə̣, ɤ, f, g, h, ḥ, i, j, k, l, m, n, ṇ, ŋ, ɵ, θ, p, r, s, t, u, w, x, y. Знаки долготы, палатализации[2], перерыва и др. диакритические знаки при расположении слов по вниманию не принимались.

Место гласных, изображаемых несколькими буквами, определялось соответственно месту этих последних в алфавитном порядке.

[1] Некоторые послелоги даются также и в формах косвенных падежей (в притяжательной форме 3 л. ед. ч.). Так как вошедшие в словарь послелоги в именительном падеже имеют значение имен существительных, то при переводе последних курсивом делается лишь указание в виде сокращенного слова: *посл.* Это должно указывать, что и в притяжательных формах косвенных падежей данное имя употребляется как послелог. У имен, образующих формы косв. пад. от основы на n, дается указание: *осн. n.*

[2] Следует иметь в виду, что ṇ, ḥ — согласные со среднеязычной артикуляцией. При расположении слов в алфавитном порядке эти звуки принимались во внимание.

The first page of Shreider's dictionary to his unpublished book "Anyui Udeghe language materials" due to appear in 1937 (cf. this volume, p. 5; only two or three copies of the book ready then for print are known to have survived).

A

ə- не быть; *корень отрицательного глагола, встречающийся только в форме будущего I (во всех лицах)*: ʻata-m(i) təluguşi — не расскажу, ə-ta sawa — не возьмет, *см.* ə-

abuga, abugu папа, отец (форма обращения; притяжательные формы от abuga, abugu употребляются преимущественно детьми)

abugusiga 1) родители, 2) группа лиц, связанная с моим отцом постоянным или временным действием или пребыванием

abull- нехватать, недоставать, не достигать, не доходить, не доезжать, не долетать и т. п.

adili 1) рыболовная сеть, 2) сетка (коническая) на соболя, 3) паутина

adurka сетка (коническая) на соболя

asiga девочка, девушка

asigaŋişi- превращать в девочку (об обряде изменения пола)

Azu приток р. Анюя

aŋili нож для строгания с кривой рукояткой

ag- *см.* **ag-(da)-**

agʻa термин, служащий для обозначения отдельных лиц обширной группы родственников мужского пола. В основном, это мои братья всех степеней родства старше меня и братья моего отца всех степеней родства старше меня, но младше моего отца. Кроме того, всякий чужеродец старше меня, но младше моего отца. (Употребляется, главным образом, при личном обращении.) *См.* ʻaŋi- ŋi

agala- обманывать

agbu- снимать с огня (о котле, о чайнике и т. п.)

ag-(da)- причаливать, приставать

agda 1) посредник на суде между враждующими сторонами, 2) agda ŋi—гермафродит, 3) agda ləgə—мужская рубашка средней длины, 4) agda-ŋi—промежуток, пространство; *посл.*; *осн. п*

agdaŋi- причаливать, приставать (при возвращении)

agdi- тесать, затесывать

agdigaşi- греметь (о громе)

agdinda- делать затеску

agdu берлога, нора

aha-(ḥi)- *см.* **ā-(ḥi)-**

ahanta женщина

a-(ḥi)- преследовать, гнаться

ai заднепроходное отверстие

ʻai 1) водка, спирт, ханшин, 2) птичий клюв

ʻaindima старший, постарше (о лицах мужского пола)

ʻai-ŋi родственный термин, аналогичный по значению термину **agʻa** (*см.*); *осн. п; употребляется с притяж. суфф.*

aişima золотой

aja хороший, хорошо, приятно, ничего ладно

ajasi хорошо

ajamakiaşi- проверять, пробовать

ajaŋaza правая сторона, правый

aka спина

alagdigʻa красивый (о человеке)

alaşi- ожидать, ждать, дожидаться поджидать

alauşi- наставлять, научать, поучать

ali когда

The first page of Shneider 1937 (cf. the opposite page).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Матеріалы для словаря удиһэ.

Подъ названіемъ „Матеріалы для словаря удиһэ" я, въ видѣ приложенія, печатаю добытыя мною слова во время моихъ странствованій по территоріи тазовъ. Помѣщаемый мною словарный матеріалъ нельзя считать за русско-тазовскій словарь, потому что я не могъ посѣтить и объѣхать всю территорію, по которой разбросано это тунгузское племя. Словарь языка удиһэ явится только тогда, когда будутъ записаны слова не только по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Великій океанъ, но и по притокамъ р. Уссури, а равно и въ западной части занимаемаго этимъ народомъ пространства. При отсутствіи письменности, языкъ удиһэ не имѣетъ ни установившихся грамматическихъ формъ, ни установившагося прочно звуковаго обозначенія. Разъединенные огромными пространствами малодоступной тайги, отдѣльные роды этого народа, подъ вліяніемъ окружающихъ сосѣдей, часто представляютъ большое различіе въ лексикальномъ отношеніи. Слѣдовало бы собрать полный матеріалъ въ этомъ отношеніи, и тогда можно было бы намѣтить группы, на которыя, по языковой близости, распадается этотъ народецъ. Пока нѣтъ такого матеріала, нельзя сдѣлать никакихъ прочныхъ заключеній о грамматикѣ языка удиһэ.

На случайнаго наблюдателя языкъ удиһэ производитъ впечатлѣніе оригинальностью фонетики, преобладаніемъ носовыхъ и гортанныхъ звуковъ, трудно передаваемыхъ русскимъ алфавитомъ. Кромѣ того, поражаетъ бѣдность этого языка для выраженія отвлеченныхъ и даже многихъ самыхъ обыденныхъ понятій.

Вообще удиһэ, по свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, стоитъ на очень низкой ступени развитія. Въ послѣднее время они научились вести счетъ времени отъ китайцевъ, считая за начало года китайскій новый годъ (въ концѣ января). Раздѣленія времени по подѣлямъ у нихъ не существуетъ; счетъ по мѣсяцамъ они знаютъ, хотя считали мнѣ порядокъ мѣсяцевъ различно, названія ихъ давали различно, такъ что я, въ концѣ-концовъ, не добился, сколько же всего мѣсяцевъ въ году считаютъ удиһэ и

The beginning of the "introduction" to "materials for an Udihe dictionary" in Brailovskiy 1898.

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
А.				
Амуръ(р) Намунка́, Мамгу́	—	мангу́	—	мамм́
Ахъ ты собака (брань) шпахки мадалэ	—	—	—	—
Б.				
Бабочка—коиӥ	—	—	конака́	коньнка́
Бабушка—(по матери) анига́	—	сакдани (по отцу)	атанга́	атанга́
Бакенбарды—hавсу, тамого	—	—	—	hауси́
Балаганъ вообще—кана́	чукдиӥ чолб́	—	—	—
Балаганъ для провизіи—быцианhа́	—	—	бабты́	цмhили-коякá
Банка—тукури, токоро́	ангала́	—	токоро́	токоро́
Бодряная кость связь—чикӥ, дувгӥ	—	—	—	о
кость о, уо́	—	—	—	пакеіасй
Беззаботный—байси. гиндыиӥ	—	—	—	дэріако́
Безсовѣстный — олёко — мага́. шулиӥ (соляиӥ)	—	деррекý	—	манганѣ
Безстрашный—мѣва—манга́, аякта—манга́, манга́нѣ	—	—	—	маляачэ́
Безумный—меланокӥ. маляачэ	—	мыслечӥ	—	—
Безкровный—миндымӥ	—	—	—	{миндаhа́, натылаhа́.
Бей—ыктаhа, ситаhа́, миндаhа, паталаhа́	—	—	—	
Берегъ:				
часть суши—сапчи—керанӥ, уркеиӥ.	—	на	—	саисалэ́
» воды—урӥ	—			джапама́
Береза—чалба́, чляба́	таламоиӥ	ягода́	чаба́	чаба́
Берёста—талу́, укса́.	сокто́	чабба́	талу́	укса́
Бери (=на тебѣ) буй, джиhа́.	—	дуавага́	—	джява(к)hа́
Беру я = (держу я) би джявамѣ, джявачамѣ.	—	—	—	{би джявамѣ, джявачамѣ
Бидотъ—ныу	—	пенкуна́	—	ныу
Биссеръ—няуджоко́, нюрбги	—	сюрахта́	—	ё(к)гджоко́
Бить—тукти	—	сентуля́й	миндомӥ [1])	—
» палкой—дуктамӥ	—	—	—	{миндэ́й, натыля́й
» кулакомъ — санталамӥ, шантэлэ́й	—	—	—	hэнтуля́й
» ладонью—сазалами, панядэ́й.	—	—	—	{хангадэ́й, паньядэ́й
Бичевка—hуку́, батуhи.	—	{иконда́, (бичевникъ-киктана́)	—	{батуhи и бытуhи
Благодарю—баниhа́	—	—	—	баниhа́

[1]) Г.г. Маргаритовъ и Протодіаконовъ не обозначаютъ, чѣмъ бить.

The first page of Brailovskiy's "materials..." in which he quoted about 1000 Udeghe words from four sources.

THE LANGUAGE OF THE OROCHES.

By P. Schmidt (Šmits).

I. Introduction.

The Oroches live in the region of the Sikhete Alin (not thickly wooded mountain) in the Siberian Maritime province and consist of about a thousand souls. They are divided in two groups: the proper Oroches and Udihes. There is probably a third group or tribe, the Kyakars, although this is not quite certain, for in the opinion of J. A. Lopatin, this is only the Oroche name for the Udihes. The Oroches belong doubtless to the Manchus or the southern Tungus family. J. A. Lopatin writes in his pamphlet: „The Oroche dialect is very similar to the language spoken by the Manchus, and the Goldi and Oroche methodes of speach are so very strongly allied that the members of these two different tribes understand one another without difficulty." But the same author makes a great difference between the Oroche and Udihe dialect, considering them to be two different languages. Nevertheless such experts as L. Schrenck, S. Brailovski and N. Palchevski accentuate the ethnographical and linguistical unity of all Oroche tribes. But the opinion of J. A. Lopatin is also not without ground, because the Udihes have to a great extent fallen under Chinese influence and have borrowed many Chinese words that are unknown to the Oroches.

In the Oroche popular traditions mention is made that they come from the north and that they kept reindeers (*oro*), and for that reason the etymology of the word Oroche may be „reindeer keeper". S. M. Shirokogoroff derives the word from *oron*, a place, and translates it as „having residence", but this *oron* is very rare in the Tungus dialects and seems to be borrowed from the Manchus or Mongols.

„Udihe" corresponds to the Juchen *u-di-ö*, a wilderness, and the Manchu *wedzi*, a forest, and these people seem to be the *wedzi aiman* (the name of a Manchu tribe)of the Manchu historic records.

The beginning of the "Introduction" to Schmidt 1928 and (opposite page) a sample page of Schmidt's dictionary of about 1000 words, considered by Shneider (1936:5) to be the best of all Udeghe word lists prior to his own dictionary of 1936 (Udeghe words in Schmidt are marked with U).

aja SLO, an earthenware, a jar. Olcha and Goldi the same. Cf: Mongol *ajaga;* Turkish *ajak.*

ajači LO, envious. Negidal *alaksigdi.*

ajačimē LPO, I improve (from *aja,* good).

ajami BU, I praise. Cf. *ajaumē.*

ajaŋa LO, a whale. Olcha *ajaŋga.*

ajaumē LO, I like, I love, Tung. *ajawrem.*

aká LO, BNUK, the upper part of the back. Cf. *darama.*

aki S (Hungari), *aka* PO, an elder brother. Tung. and Negidal *aki, akin;* Olcha and Goldi *aga;* Manchu *axūn* (from the Chinese *a-hiung).*

aki PO, the fourth finger.

aki LO, BU, to kill with a fish-spear.

aksaxa PO, was angry. Olcha *aksan*; Goldi *aksambē*; Manchu *aksambi;* Mongul *aksurxu.*

akta OU, plate, sheet-metal. Goldi and Olcha *alta.*

ala LO, *alaga* PO, *alun* BU, a harness for dogs. Negidal *ala;* Olcha and Goldi *xala* (from the Gilyak *xal).*

alačiha LP, wait! Olcha *xalaču;* Goldi *xalači* to wait; Manchu *alakja;* Tung. *alatkol.*

alagdaha BU, *xalagaxa* LO, a bat. Manchu *alakdaxa;* Mongol *alakdagā* a calling-hase, logomys pusillus.

alanisi LO, to kiss. Olcha *alasi.*

alauha LO, unharness! Olcha *xalasu.*

ale, alida LO, when. Tung. *alī;* Mongol *ali* who, where; Goldi *xaʃ* when, *xaʃda* always. Cf. Turkish *kali* now.

aleŋki LO, a large basket.

ama O, a father. Olcha, Goldi and Manchu the same; Tung. and Negidal *amin.* Cf. *abuhu.*

amala LPO, behind Goldi *xamjela,* Manchu *amala.*

amasi LO, backwards. Manchu *aŋasi;* Tung. *amaskī;* Olcha and Goldi *xamasi.*

amba LPO, a devil. Olcha and Goldi the same.

amigda LO, a poplar. Manchu *amida.*

amina LO, a miller (fish). Goldi the same

ammá SLPMO, the mouth. Cf. *aŋma.*

amta PO, the flavour. Manchu *amtan.*

amtaki PO, savoury. Goldi *amtaku*; Manchu *amtaŋga.*

amusiu LPO, *amuhi* BNU, *amui* SU, *amu* MU, leggings drawn over the trousers.

anaiŋi OU, to push. Goldi *anaure,* Olcha *anau;* Manchu *anambi.* Tung. *anam.*

anaku OU, a key. Manchu *anakū.* Cf. *joso.*

andá OU, a musk-deer, moschus moschifera. Cf. *böjukö.*

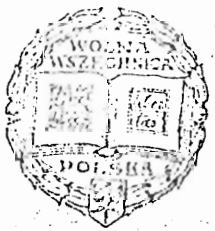
BIBLIOTHECA UNIVERSITATIS LIBERAE POLONAE
A. 1923. Fasc. 10.

STANISŁAW PONIATOWSKI.

L. 11810

Materiale to the Vocabulary of the Amur Gold.

(Materjały do słownika Goldów nadamurskich).

Prof. Dr. ALFRED F. MAJEWICZ

INTERNATIONAL INSTITUTE
OF ETHNOLINGUISTIC AND ORIENTAL STUDIES
PL – 62-060 STĘSZEW, POLAND

VARSAVIAE.
CURA ET SUMPTIBUS UNIVERSITATIS LIBERAE POLONAE
1923.

The title-page of Poniatowski 1923 where 31 Udeghe words have been quoted (cf. Simonov 1991).

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Краткие сведения об удэгейцах. Удэгейцы (самоназвание *удиэ*) - небольшой тунгусо-маньчжурский народ, проживающий в Уссурийской тайге на юге Хабаровского и в Приморском крае. По классификации В.А.Аврорина, их язык (наряду с нанайским, ульчским, орокским и орочским) принадлежит к "южной" группе тунгусо-маньчжурских языков [Аврорин 1960, 3]. В этой группе наиболее близким к удэгейскому является орочский. В прошлом веке большинство исследователей считали даже удэгейцев и орочей одним народом, "о́рочами" (или "ороче́нами"), и только впоследствии, под влиянием этнографических работ В.К.Арсеньева, их стали рассматривать как разные этносы.

По нашим наблюдениям, удэгейский язык делится на два диалекта: северный (с хо́рским, анюйским и самарги́нским говорами) и южный (бики́нско-има́нский). Говоры северного диалекта очень близки друг другу и воспринимаются удэгейцами как один и тот же язык. Незначительные различия между ними прослеживаются в основном в фонетике (произношение [э], интервокальных [г] и [ғ], [ч] после [к] и т. п.) и в лексике (нанайские заимствования в анюйском говоре и орочские в самаргинском). Речь бикинско-иманских удэгейцев представителям северных говоров понятна не полностью, хотя серьезных проблем при общении и в этом случае не возникает. Аналогичное мнение о том, что диалектные различия в удэгейском не велики, высказывал в свое время и Е.Р.Шнейдер [Шнейдер 1936, 4].

Традиционный хозяйственный уклад удэгейцев - кочевая охота и рыболовство. После перехода на оседлость (начавшегося по распоряжению Советской власти с середины 30-х годов) удэгейцы продолжали заниматься традиционными промыслами, теперь уже как члены коллективных хозяйств. Если раньше они широко кочевали по тайге, то теперь сосредоточились в нескольких населенных пунктах. Здесь охотники вместе с семьями живут в летнее время, а зимой уходят в тайгу на свои промысловые участки. Женщины и некоторые мужчины имеют постоянную работу в самих поселках. В них имеются магазин, школа, ясли-детсад, медпункт, клуб и другие учреждения. Во многих поселках есть местная администрация и отделение леспромхоза.

По данным плановых комиссий райисполкомов Хабаровского края (на 1 января 1985 г.) и Приморского края (на 1 января 1988 г.) удэгейцы проживают в следующих местах: хорский говор - Джангóвский сельсовет р-на им. Лазо Хабаровского края (с. Гвасюги́ на р. Хор), 180 человек; анюйский говор - Арсеньевский сельсовет Нанайского р-на Хабаровского края (с. Арсеньево на Аниóе), 69 человек; самаргинский говор - Тернейский р-н Приморского края (с. Агзу́ на Самарге́), 135 человек; бикино-иманский диалект - Пожарский р-н Приморского края (Красный Яр и Олóн на Бики́не), 345 человек и Красноармейский р-н Приморского края (р. Большая Уссу́рка; в "Данных ..." по этому району удэгейцы включены в общее число "народностей Севера", но вряд ли здесь их больше 30-40 человек). Учитывая то, что за пределами названных районов удэгейцев проживает очень мало, можно прийти к выводу, что общее их количество в конце 80-х годов составляло не более 800 человек. В этой связи данные Всесоюзной переписи 1989 г., согласно которым удэгейцев

насчитывается 1,9 тыс. человек [РСФСР в цифрах], представляются завышенными (видимо, по политическим соображениям) в два с лишним раза.

Удэгейский постепенно выходит из употребления. Хорошо знают родной язык лишь те, кто родился в 30-е годы и раньше. Самым молодым из них сейчас уже под шестьдесят. Люди среднего возраста владеют своим языком довольно слабо, а молодежь и дети практически его не знают. Основным средством общения сейчас для большинства удэгейцев, в том числе и старшего поколения, является русский язык. В последние годы, правда, энтузиасты из местной интеллигенции в селах Гвасюги и Красный Яр пытаются наладить преподавание родного языка в начальной школе и тем самым способствовать его возрождению.

§ 2. История удэгейской лексикографии. Первый словарик "орочского" языка ("des orotchys") был составлен в 1787 г. г-ном Лаво (Lavaux), военным хирургом кругосветной экспедиции Лаперуза, во время стоянки в заливе Де-Кастри [La Pérouse, 70]. Судьба этого словарика нам не известна. Скорее всего в нем была зафиксирована лексика собственно орочского, а не удэгейского языка, так как в XIX веке в этих местах проживали именно орочи.

Самая ранняя запись непосредственно удэгейской лексики была, видимо, сделана в 1859 г. Р.Мааком. В книге этого российского естествоиспытателя, изучавшего флору и фауну в долине р. Уссури, наряду с латинскими и русскими наименованиями местных видов животных, приводятся названия их на нанайском, маньчжурском, китайском и, в нескольких случаях, удэгейском языке. Например, "тигдзіехй" (рысь обыкновенная), "кэ́нга" (олень нас-

тоящий), “огби” (лось) и т. д. [Маак, т. 1, 112-113; 133-134; 138 и др.]. Во второй половине XIX в. были опубликованы первые небольшие списки удэгейских слов в этнографических работах И.П. Надарова и С.Н.Браиловского [Надаров, 163-165], [Браиловский, 201-219]. Записи сделаны русскими буквами и отражают восприятие удэгейской лексики на русский слух людьми, не знакомыми с фонетикой этого языка.

С 1906 г. культуру и язык удэгейцев начинает изучать В.К.Арсеньев. Во время многочисленных экспедиций он, в числе прочего, собрал большой материал по лексике и грамматике удэгейского языка. Лингвистические записи В.К.Арсеньева из его полевых дневников, к сожалению, до сих пор не опубликованы. В отличие от своих предшественников, он старался уловить специфические удэгейские звуки и отразить их на письме особыми знаками, например, “h”, “н̓г̓”, “л̓” и т.д. Интересно обозначение в его дневниках фарингализации с помощью дуги с точкой (◌̓◌) над гласными. Делалось это все непоследовательно и не всегда, но, тем не менее, про В.К.Арсеньева можно сказать, что он записывал удэгейские слова уже частично в фонической транскрипции. В такой же частичной транскрипции фиксировали удэгейскую лексику во время своих экспедиций в Приамурье российский ученый П.Шмидт (1908 г.) и польский этнограф С.Понятовский (1914 г.) [Schmidt], [Poniatowski 1923] (об экспедиции последнего см. [Poniatowski 1966] и [Heidenreich]; о записанной С.Понятовским удэгейской лексике: [Симонов 1991]).

Новый этап в изучении удэгейского языка начался в 30-ые годы и связан с именем Е.Р.Шнейдера. На базе полевых исследований он впервые установил фонематический состав языка, разработал

для него правила письма на латинской графике, написал грамматический очерк и "Краткий удэйско-русский словарь" [Шнейдер 1936]. Он же подготовил несколько учебных пособий для удэгейской школы ([Шнейдер 1934] и другие), издал детскую книгу с двумя сказками [Шнейдер 1935]. Его последняя работа "Материалы по языку анюйских удэ", содержащая 21 фольклорный текст и словарь анюйской лексики, должна была выйти в свет в 1936 г. Однако в 1937 г. Е.Р.Шнейдер был репрессирован (см. [Серожидинов]) и анюйские "Материалы ..." так и не были изданы (нам удалось опубликовать случайно сохранившуюся вводную часть к этой книге, любезно предоставленную в 1985 г. Е.П.Лебедевой: [Шнейдер 1985]). В 1936 г. аспирантка Е.Р.Шнейдера Е.Н.Баскакова записала на Самарге 65 фольклорных текстов. Она также была репрессирована. Ее арестовали прямо на вокзале по возвращению из экспедиции (устное сообщение Е.П.Лебедевой). После этих арестов изучение удэгейского языка прекратилось. Разработанную Е.Р.Шнейдером письменность не стали переводить на русскую графику, а в школе, за неимением других учебников, перестали преподавать родной язык.

Вновь удэгейским языком занялись в 60-ые годы О.П.Суник и И.В.Кормушин. На основе своих полевых наблюдений О.П.Суник написал краткий очерк удэгейского языка [Суник], где дал совершенно иную, чем у Е.Р.Шнейдера трактовку удэгейской фонологической системы. И.В.Кормушин записывал удэгейскую лексику, его материалы были использованы при составлении [ССТМЯ].

В настоящее время самым большим сбором удэгейских слов является [ССТМЯ]. В него включена лексика "Краткого удэйско-русского словаря" Е.Р.Шнейдера, материалы П.Шмидта и И.В.Кормушина. По нашим подсчетам, в [ССТМЯ] представлено 3965 удэгейских словарных единиц (слов и словосочетаний, поданных отдельной строкой в "Указателе" к словарю). Из них 3123 (то есть 78,8%) встречаются в хорском говоре. В связи с недостаточной изученностью удэгейской грамматики, некоторые регулярные грамматические формы слов даны в [ССТМЯ] как самостоятельные лексемы. В соответствии с нашим пониманием удэгейской грамматики к таковым относятся падежные формы существительных с пространственной семантикой, имена с притяжательными и собирательными аффиксами, глаголы в форме причастия на ***-и***, начинательного вида, страдательного залога, каузатива, желательного наклонения на ***-кча***, повторного действия на ***-ғи***, направленности для совершения действия с суффиксом ***-на*** и проч. Исключив эти формы, а также фонетические варианты слов и словосочетания, получим **2554 единицы**. Таково, по нашим представлениям, реальное количество разных слов хорского говора удэгейского языка в [ССТМЯ].

§ 3. Принципы составления нового удэгейско-русского словаря. Необходимость составления нового словаря очевидна. Удэгейский язык не передается младшему поколению и, стало быть, находится на грани исчезновения. В то же время в лексикографическом плане он описан явно недостаточно. Зафиксирована только часть лексики, притом не всегда точно, а, главное, в [ССТМЯ] и у Е.Р.Шнейдера словарные статьи совершенно не разработаны семантически и грамматически, не указана сочетаемость слова с другими лексемами, нет сведений о

грамматическом управлении, нет иллюстративных примеров, словарные статьи состоят просто из удэгейского слова и лаконичного русского перевода.

Учитывая все это, мы сочли своим долгом приступить к составлению нового, более полного, удэгейского словаря. Поскольку удэгейцы не имеют единого общенародного языка, нельзя написать просто удэгейский словарь, он обязательно должен быть диалектным (либо содержать лексику одного конкретного говора, либо разных говоров, но с диалектными пометами). Мы выбрали первый вариант (словарь хорского говора): так сложилось, что нашими информантами были в основном хорские удэгейцы.

3.1. Словарные источники. Материалы, на основе которых написан наш словарь, можно разделить на четыре группы:

1) хорские фольклорные тексты (48 произведений - сказки, предания, загадки общим объемом более 7 а.л.), подготовленные для тома удэгейского фольклора в 1985-1989 гг. его составителями М.Д.Симоновым и В.Т.Кялундзюгóй (см. [ФУ]). Эти тексты в течение двадцати лет (с середины 60-х до 1985 г.), по собственной инициативе, записывала от своих пожилых земляков хорская удэгейка В.Т.Кялундзюгá. Ей диктовали тексты 14 сказителей (к сожалению, почти никого из них уже нет в живых). В 1985 г. к работе над текстами подключился М.Д.Симонов. В.Т.Кялундзюга продиктовала ему на магнитную ленту все отобранные для Фольклорного тома тексты. М.Д.Симонов списал их с магнитофона в фонической транскрипции и затем провел полный анализ этого материала на всех языковых уровнях (фонематическом, морфологическом, грамматическом и т. д.). Все

непонятные места в текстах многократно проверялись с хорскими информантами (прежде всего с В.Т.Кялундзюгой) в течение семи командировок в Хабаровский край, а также при встречах с В.Т.Кялундзюгой на конференциях в Якутске и Новосибирске. Фонологический анализ текстов позволил М.Д.Симонову по-новому взглянуть на фонематическую систему удэгейского языка. Им была предложена новая классификация удэгейских фонем (развивающая концепцию Е.Р.Шнейдера) [Симонов 1988] и, как следствие, была разработана, совместно с В.Т.Кялундзюгой, новая удэгейская орфография на базе русского алфавита (официально утверждена Хабаровским крайисполкомом в январе 1989 г.). По этой системе письма́ в окончательном виде были записаны все фольклорные тексты нашего фольклорного тома. Русский перевод к ним сделан М.Д.Симоновым (с учетом предварительного перевода и комментариев В.Т.Кялундзюги).

2) Несмотря на значительный объем фольклорных текстов, их одних оказалось недостаточно для подготовки полноценного удэгейского словаря. Многие слова, зафиксированные в [ССТМЯ], (даже из основного словарного фонда) отсутствовали, от того что об этом просто не было речи в данных текстах, на другие слова было слишком мало примеров. Было решено пополнить наш материал, добывая, путем опроса, примеры на употребление интересующей нас лексики. Чтобы до минимума сократить русские кальки, а, главное, сохранить удэгейское видение окружающего мира, мы отказались от перевода русских предложений на удэгейский. Необходимо, чтобы информант самостоятельно порождал удэгейские фразы. Для этого на каждую букву алфавита составлялся список удэгейских слов с кратким русским переводом. Информанту (обычно это была

В.Т.Кялундзюга) предлагалось придумать на каждое слово по три примера, причем, по возможности, так, чтобы это отражало традиционную жизнь удэгейцев. Русский перевод диктуемых фраз уточнялся сразу же во время записи. Такая работа для наших информантов не представляла никакого труда. Фразы диктовались легко и были достаточно удэгейскими по духу. При этом в диктуемых фразах постоянно встречались новые слова, не зафиксированные в [ССТМЯ] и в наших фольклорных текстах. Мы предполагали пройтись таким образом по всему удэгейскому алфавиту. Проверить всю удэгейскую лексику, зафиксированную в [ССТМЯ] (а, возможно, и в более ранних источниках: у И.П.Надарова, С.Н.Браиловского, в полевых дневниках В.К.Арсеньева), и на все слова, известные хорским удэгейцам, получить примеры с контекстами, а также записать примеры на слова, слабо иллюстрированные в наших материалах или вновь выявленные в ходе данного опроса. Однако нашим планам не суждено было сбыться. К 1992 году удалось лишь частично обследовать лексику на буквы "А-К". Дальнейшее регулярное финансирование научных командировок прекратилось.

3) Еще одним источником нашего словаря являются семантические, грамматические и другие толкования, сделанные В.Т.Кялундзюгой во время нашей совместной работы с удэгейскими текстами. В том числе подробные описания с рисунками этнографических реалий, а также удэгейские фразы, придуманные В.Т.Кялундзюгой для пояснения того или иного лингвистического явления.

4) И, наконец, в словаре использованы сборы самой В.Т.Кялундзюги: редкие ("сказочные") слова, услышанные ею от стариков во время фольклорных записей и в ходе специальных бесед, названия таежных птиц, опознанных стариками на картинках в книге натуралиста В.Д.Яхонтова (см. [Яхонтов]), и другое.

Итак, материал был собран достаточно большой, но далеко неполный. Мы решили, однако, на этом остановиться. Во-первых, продолжать полевые сборы в нынешней экономической ситуации совершенно нереально. Возможно, в ближайшие годы вообще не удастся выехать ни в одну лингвистическую экспедицию. Во-вторых, собранный материал уже сейчас позволяет написать словарь объемом более 50 авторских листов. Если в будущем ситуация изменится, и в нашем распоряжении появятся новые полевые материалы, то можно будет написать отдельную книгу, дополнение к данному словарю.

При подготовке словаря материалы, послужившие нам источником, были расписаны на карточки так, чтобы для каждого слова можно было проанализировать все контексты, в которых оно зафиксировано. Полный анализ контекстов был обязательным условием при написании словарных статей.

Всего в словаре представлено более 2900 разных слов, чуть больше, чем в [ССТМЯ] (где, по нашим подсчетам - как помнит читатель - 2554 слова). Однако слов хорского диалекта общих для нашего словаря и [ССТМЯ] наполовину меньше: примерно 1400. Еще 102 общих слова фигурируют в [ССТМЯ] как единицы других говоров. Например, *аӈи* 'калуга' отмечено в [ССТМЯ] как самаргинское, *аку* 'жало' как бикинское, *будэктэ-* 'поумирать'

как анюйское, *сонго* 'медвежья туша' как бикинское и самаргинское и т. д. Остальные 1414 слов нашего словаря в [ССТМЯ] вообще не отмечены, это вновь зафиксированная нами удэгейская лексика. В ее состав входят слова, отличающиеся от известных прежде суффиксально (например, *аисилакту* 'позолоченный' при [ССТМЯ] *аиси* 'золото' - 402 слова), имеющие с известной лексикой сходную основу (типа *âмакта-* 'пробовать на вкус' при [ССТМЯ] *амта* 'вкус' - 291 слово) и слова совершенно новые, не имеющие очевидных связей с теми, что зафиксировали прежде наши предшественники (721 слово; некоторые из них имеют надежные соответствия в других тунгусо-маньчжурских языках, например, *гиу* 'колотушка шаманского бубна' при эвенк. *гису*, эвен. *гисун*, нег. *гисивун*, орок. *гисипун* тж. [ССТМЯ, I, 156]; этимология других затемнена и требует специального исследования). Для того, чтобы облегчить специалистам поиск вновь зафиксированной нами удэгейской лексики к словарю приложен соответствующий указатель.

3.2. Проблемы, требующие решения. Фонологическая система удэгейского языка. При составлении словаря пришлось решить целый ряд лингвистических проблем. Во-первых, разобраться с фонологической системой языка. Во-вторых, установить, хотя бы приблизительно, какие части речи имеются в этом языке (чтобы отделять, в частности, полифункциональные слова от омонимов). В-третьих, выявить грамматические категории, характерные для каждой изменяемой части речи, и определить, какие грамматические формы имеет смысл указывать в словарных статьях. В-четвертых, разработать критерии, по которым семантика слова членится в словаре на значения и их оттенки.

В словаре уточнен фонемный состав многих слов, отмеченных в [ССТМЯ]. Это удалось отчасти потому, что мы разработали новую классификацию удэгейских фонем и, стало быть, новый взгляд на то, какие признаки фонем являются основными, а какие факультативными. Отчасти же явилось результатом прослушивания магнитозаписей удэгейской речи.

Согласно нашим исследованиям [Симонов 1988], в удэгейском языке имеется 18 гласных фонем, которые разделяются по степени интенсивности и резкости произношения на 4 группы:

Гласные

интенсивные		слабоинтенсивные	
плавные	резкие	простые	отрывистые
ӣ ӯ	ӥ ӱ	и у	– –
ӭ ӧ	ӟ ӧ	э о	(‘э) ‘о
ā	â	а	‘а

Гласные могут быть *интенсивными* (то есть такими, при произношении которых расходуется большое количество звуковой энергии) или *слабоинтенсивными* (с малой затратой энергии). При этом звуковая энергия может выделяться равномерно или импульсивно. Равномерная фонация дает “интенсивные плавные” гласные и “слабоинтенсивные простые”, импульсивная фонация – “интенсивные резкие” и “слабоинтенсивные отрывистые”.

Е.Р.Шнейдер выделяет те же четыре группы гласных, однако за основу классификации берет факультативные, с нашей точки зрения, признаки, называя *интенсивные плавные* (типа ā) "долгими", *интенсивные резкие* (â; в его транскрипции "aʰa") "аспирированными", *слабоинтенсивные простые* (a) "краткими" и *слабоинтенсивные отрывистые* ('a) "прерывными" [Шнейдер 1936, 83]. Но дело в том, что все эти признаки не являются исключительными маркерами данных групп гласных. Долго в первом отрывистом слоге произносятся не только "долгие" гласные, но и "аспирированные". В то же время "долгие" в закрытом слоге звучат полудолго и даже кратко. Аспирация хорошо слышна в первом слоге и слабо (или вообще отсутствует) в конечном после сонантов. Кратко произносятся не только "краткие", но и "долгие" в закрытом слоге и "аспирированные" в конечной позиции. Гортанный смык в "прерывных" гласных также факультативное явление. В спокойной, неэмоциональной речи "прерывные" гласные обычно не сопровождаются гортанной смычкой.

С точки зрения фонотактики удэгейское слово делится на две ритмические группы: начальную и конечную. Назовем "сильными" все гласные за исключение *слабоинтенсивных простых* (типа a). Главный закон удэгейской фонотактики гласит: в начальной и конечной ритмических группах может быть только по одному "сильному" гласному, причем они должны относиться к разным типам интенсивности/резкости. Следовательно, в словоформе не может быть более двух "сильных" гласных. Дополнительное ограничение связано с употреблением *интенсивных плавных* (типа ā). Они встречаются только в начальной ритмической группе. В итоге в языке

представлены следующие комбинации с "сильным" вокализом: **а̄ - а̂** (*интенсивный плавный* в начальной ритмической группе – *интенсивный резкий* в конечной группе; например, *ка̄ла̂* 'нечто', *йа̄ла̂* 'жаба', *йӯхиа̂* 'сойка', *мо̄миэ̂* 'утка-каменушка'); **а̄ – ‘а** (*да̄с‘а* 'близко', *зя̄с‘а* 'легко', *са̄с‘а* 'подвеска серьги', *тӭэ̄ɾ‘эси* 'встав' [с постели]); **а̂ – ‘а** (*вэ̂ф‘э* 'по горам', *ньӯ̂ɾ‘эси* 'выйдя'); **‘а – а̂** (*к‘оло̂* 'рукавицы'). Намного чаще, естественно, встречаются комбинации с "сильным" гласным в одной ритмической группе и "слабым" в другой, такого типа, как *йала̂* 'уголь', *йа̂ла* 'на глаз', *‘ана* 'бат', *акт‘а* 'половина', *нӣнта* 'мужчина'.

Надо еще указать, что из *слабоинтенсивных отрывистых* в начале и в конце слова употребляются только ['а] и ['о]. ['э] встречается исключительно в конечной ритмической группе (хотя иногда, например, в слове *т‘эси* 'сев' – деепричастие от *тӭ̄-* 'сидеть' - эта позиция может совпадать с первым слогом).

Многочисленные вокальные комплексы, которые Е.Р.Шнейдер трактовал как дифтонги, при ближайшем рассмотрении оказываются сочетанием гласных, причем составляющие их компоненты относятся к разным ритмическим группам слова. Например, фонический дифтонг [иа] в слове биа 'постель' распадается на [и] и [а] при словоизменении: [бѝ.ава́] 'постель' (вин. п.), [бѝ.ала́] 'на постель' (мест. п.) и т. п.

Удэгейский консонантизм в нашей трактовке представляется следующим образом:

	губные	передне-язычные	средне-язычные	задне-язычные
звонкие смычные	б	д	ʒ	г
глухие смычные	п	т	ч	к
проточные	(ф)	с	–	х
носовые	м	н	нь	ŋ
ртовые сонанты	в	л	й	ɾ

(~ ль ~р)

[п] и [ф] находятся в отношении дополнительной дистрибуции. [п] употребляется в начале слова и в интервокальных группах согласных (в пре- и постконсонантной позиции), [ф] в интервокале и в конце образных слов.

[л] и [ль] также связаны отношением дополнительной дистрибуции. [л] встречается в начальной и в интервокальной позициях, [ль] в конце образных слов и в интервокальных группах согласных в преконсонантной позиции. [р] употребляется только в конце образных слов, в некоторых из них чередуется с [ль]. При этом не зафиксировано ни одной пары слов, различающихся только конечными [ль] и [р].

[ʒ] - простой, неаффрицированный согласный, [ч] - аффриката.

[в] и [й] - фонетически неслоговые [у̯] и [и̯].

[ɾ] - слабый малошумный сонант, встречается только в интервокальной позиции. До сих пор тунгусо-маньчжуроведы не разграничивали согласные [г] и [ɾ] в удэгейском. Е.Р.Шнейдер полагал, что это свободные варианты одной фонемы [Шнейдер 1936, 89]. Хотя в языке имеются минимальные пары типа: *диɣанами* 'говорить' // *диганами* 'пойти поесть', *вагиани* 'его свинья' // *вaɣиани* 'он (вновь) убил' и исторически [г] и [ɾ] восходят к разным источникам. [г] возникло из сочетаний **-лг-, *-рг-* в конечной ритмической группе (ср. *выги-* 'сушить', эвенк. *олгӣ-* тж.; *иги* 'хвост', эвенк. *ирги* тж.), а [ɾ] является рефлексом интервокального **-к-* (*диɣэнэ-* 'спрятаться', эвенк. *дикӭн* - тж.) и **-лг-, *-рг-* в среднем слоге (ср. *буга* 'остров', но *буɣаса* тж., при эвенк. *бургaн*).

Как уже упоминалось выше, предложенная нами новая классификация удэгейских фонем помогла уточнить фонематический состав многих слов, записанных Е.Р.Шнейдером. В ряде случаев он ошибочно обозначал "аспирированные" гласные как "долгие" ("сэ̄" 'род' вместо *сэ̂*), поскольку и те и другие произносятся одинаково длительно, а фарингализация может быть очень слабой. Ведь дело здесь, как мы выяснили, не в наличии или отсутствии аспирированности и не в длительности звучания, а в плавности или резкости фонации (в слове *сэ̂* напряженность резко возрастает к концу гласного).

Очень часто Е.Р.Шнейдер не замечает *интенсивных резких* ("аспирированных" в его терминологии) гласных в последнем слоге. Он пишет слова *самâ* 'шаман', *туӈâ* 'пять', *ʒауӈâ* 'ленок' и т.д. с протым "а" на конце, поскольку в этой позиции "аспирированные" гласные, в силу своей краткости, могут произноситься без фарингализации. Хотя в некоторых словах он все же отмечает

финальную “аспирированность”: “има^{h}а” ‘снег’, “имо^{h}о” ‘сало’, “улэ^{h}э” ‘мясо’ и проч. Иногда, из-за краткой резкой фонации *интенсивных резких* в конечном слоге, Е.Р.Шнейдер путает их со *слабоинтенсивными отрывистыми* (“прерывными”), записывая, например, “й‘эу” ‘что?’ вместо *йэ̯ӯ*.

Наш вывод об отсутствии в удэгейском фонематических дифтонгов помог упростить сложные дифтонгические написания Е.Р.Шнейдера. А утверждение о наличии двух “г” в интервокальной позиции позволило разграничить слова с [г] и [ғ], не различавшиеся прежде у Е.Р.Шнейдера.

Еще один блок ошибок в словаре Е.Р.Шнейдера связан с тем, что он распространял произношение одного слова на другое, фонетически близкое, создавая таким образом искусственные омонимы. Например, две разные лексемы *нӣ* ‘человек’ и *ни* ‘кто?’ имеют у него одинаковое написание “нӣ”.

На фонемные записи Е.Р.Шнейдера влияли, видимо, и его этимологические наблюдения. В слове *ва-* ‘убить’ он дает долготу (“вӓ-“), вопреки реальному произношению, очевидно, потому что так произносится этот корень в других тунгусо-маньчжурских языках. Запись “ӯна-“ вместо *уна-* ‘сесть’ (на транспортное средство), скорее всего, объясняется тем, что Е.Р.Шнейдер видел в этом слове тунгусо-маньчжурскую основу “уг-“ ‘сесть верхом’ (кстати, именно так в [ССТМЯ, II, 243-244]), хотя в действительности это монгольское заимствование (ср. монг. *уна-* тж.) и долгота “ӯ” исторически здесь никак не обусловлена.

Для уточнения фонемного состава удэгейской лексики мы не только прослушивали магнитофонные записи текстов, были

также проанализированы списки слов, которые, по нашей просьбе, надиктовала на магнитофон В.Т.Кялундзюга (1276 лексем, по три раза каждое слово). В списки включались все слова, фонемный состав которых вызывал у нас какие-то вопросы.

Разумеется, далеко не все в фонетическом плане удалось выяснить. Например, так до конца и не ясно, какой гласный произносится в глаголах 'знать' (*сā-* или *сâ-*), 'связать' (*бôи-* или *б'ои-*) и в некоторых других. Отчасти причина этого в том, что под влиянием русской речи дифференциальные признаки удэгейских фонем, не характерные для русского языка (например, "долгота" или "аспирированность"), у многих информантов утратили свою четкость (хотя и не исчезли вообще и могут быть воспроизведены при специальном отчетливом произношении).

Везде, где возникали сомнения относительно качества гласного, мы предпочитали обозначать его как простой, без диакритики (например, *салани* 'чтобы узнать'; основа *сā-* или *сâ-*), полагая, что эти и другие неточности, а также досадные фонетические ошибки (оставшиеся незамеченными, несмотря на многократные проверки) нам удастся устранить, хотя бы частично, в будущем, в ходе новых полевых исследований.

3.3. Проблема частей речи. Части речи в удэгейском языке мы выделяем, опираясь на синтаксическую функцию слов. В предварительном плане можно говорить о следующих категориальных разрядах: 1) глаголы (предикат высказывания); 2) имя существительное (аргумент высказывания); 3) имя

прилагательное (определение к существительному); 4) наречие (определение к глаголу, иногда к прилагательному и "качественному" существительному); 5) количественное числительное (количественное, наречного типа определение к существительному); 6) "имя качества"; не меняя лексической семантики, выступает в трех синтаксических функциях, в двух основных: определение к существительному (как имя прилагательное) и определение к глаголу (как наречие) и в одной факультативной: в роли подлежащего и дополнения (как существительное); например, *айа* **А.** 'хороший'; **Б.** 'хорошо'; *суңта* **А.** 'глубокий'; **Б.** 'глубоко'; *кэңку* **А.** 'пустой'; **Б.** 'пусто'; *хэкӈи* **А.** 'жаркий'; **Б.** 'жарко'; **В.** 'жар' и т. п. (об "имени качества" в эвенкийском см. [Василевич, 702], в нанайском - [Аврорин, I, 222-229]); 7) "адвербиальное имя" (условное название, пока не подобран более подходящий термин); не меняя лексической семантики, выступает в одних конструкциях как наречие, в других как существительное; например, *буа* **А.** 'вокруг в природе', 'кругом в мире'; **Б.** 'окружающая природа', 'весь мир за пределами жилья'; 'страна'; 'тайга'; 'место'; *нэки* **А.** 'весной'; **Б.** 'весна'; *туэ* **А.** 'зимой'; **Б.** 'зима'; *паки* **А.** 'мастер'; **Б.** 'мастерски' (работать) (частный случай "адвербиального имени" в нанайском, "имя времени", описан в кн.: [Аврорин, I, 229-232]); 8) "адвербиальный послелог" (также предварительное название); неизменяемая часть речи; сохраняя лексическую семантику, выступает в одних случаях (после существительного в им. п.) как послелог, в других (в сочетании с глаголом) как наречие; например, ***зугдини ки'афа*** **'возле** его дома', но ***ки'афа*** *дти* 'приделали [что-л.] **по краю**'.

Эти основные части речи в свою очередь делятся на лексико-грамматические группы. Так среди глаголов можно выделить полнозначные (*ӈэнэ-* 'идти'), полнозначно-вспомогательные (би- 'быть') и вспомогательные (*ō- III*). Среди имен существительных особняком стоит группа слов с пространственной семантикой типа *амиа=* 'пространство позади чего-л.', *до=* 'пространство внутри чего-л.'. Эти слова употребляются в основном в локативных падежах (дательно-местном, местном, направительном, исходном и продольном), причем у многих из них показатели направительного падежа (а иногда и дательно-местного и исходного) имеют особую форму. Отдельную группу составляют так называемые "качественные" существительные (*вал'а* 'удачливый охотник', *амба* 'злой дух', *эди* 'ветер' и т. п.), которые семантически могут иметь степени качества ("самый удачливый охотник", "очень сильный ветер") и поэтому способны сочетаться с наречиями типа *сэунӣ* 'очень'. С синтаксической точки зрения особой группой существительных являются некоторые местоимения: личные (*би* 'я', *си* 'ты' и т.д.) и вопросительные (*ни* 'кто?', *йэӯ* 'кто?', 'что?'). В предложении они могут быть подлежащим, дополнением и первым членом изафетной конструкции (но не употребляются, в отличие от большинства существительных, в составе именного сказуемого).

Среди прилагательных относительные типа *сэлэмэ* 'железный', *мōма* 'деревянный' составляют подавляющее большинство. Однако имеется и небольшая группа качественных прилагательных (*айаӈку* 'хороший', *угиаӈку* 'сердитый' и т. п.). Следуя логике удэгейского языка, позволяющей формально выражать либо не выражать отдельные грамматические значения (например, собирательность у существительного), эти

прилагательные употребляются в том случае, когда нужно подчеркнуть атрибутивную функцию данного слова (*айаӈку* - именно 'хороший', в отличие от "имени качества" *айа* 'хороший' и 'хорошо'). Функционально как прилагательные ведут себя имена с аффиксом *-хи* 'имеющий что-л.': *мафахи* 'имеющая мужа', 'с мужем', *игихи* 'имеющий хвост', 'с хвостом' (о животном), *гиамâхи* 'костистый', 'с костями' (о рыбе) и т. п. При эллипсисе определяемого существительного они, как и другие прилагательные, могут принимать падежные аффиксы и, следовательно, показатель *-хи* не является здесь падежным. Атрибутивно, как прилагательные, функционируют также порядковые числительные. Еще две синтаксические группы прилагательного составляют: 1) указательные и вопросительные местоимения (*эи* 'этот', *ута-бэбуи* 'такой', *онобуи* 'какой?'); употребляются в атрибутивной функции и никогда в составе именного сказуемого; 2) притяжательные местоимения (*минииӈи* 'мой', *синииӈи* 'твой' и т. п.); встречаются только в составе именного сказуемого.

Среди разных групп наречий стоит упомянуть наречия образа действия с суффиксом *-зи*, отличающиеся от соответствующих "имен качества" без этого суффикса тем, что подчеркивают адвербальную функцию слова (*айази* - именно 'хорошо', в отличие от *айа* 'хороший' и 'хорошо'); аналогичное противопоставление прилагательных (типа *айаӈку* 'хороший') "именам качества" было рассмотрено выше.

Интересен вопрос с *образными словами*. Они распространены в удэгейском и являются одной из характерных черт этого языка. Выделяет их особая семантика (очень конкретный зрительный или

слуховой образ), фонетическая структура и морфология (возможность оканчиваться на согласный, нередко повторение два или более раз конечного слога или всего слова; особые, свойственные только этой категории, суффиксы). Похоже, что образные слова являются одним из разрядов "имен качества", поскольку многие из них также способны выступать в двух синтаксических функциях: определения к имени (подобно прилагательным) и определения к глаголу (подобно наречиям). Кстати, многие слова, традиционно рассматриваемые в языках мира как междометия, в удэгейском являются "образными", поскольку синтаксически, подобно наречиям, зависят от глагола. Например, фольк. *чаучача-чаучача дауʒаӈаи* '(шипя) "пш-ш!", переправлюсь' (в ледяной обуви через кипящее море), где *чаучача-чаучача* - звукоподражание "пш-ш!".

Однако на данной стадии исследования многое, связанное с образными словами и междометиями, остается неясным. Отдельные образные слова зафиксированы в наших текстах только в одной синтаксической функции: атрибутивной или адвербиальной. Без привлечения новых материалов трудно сказать, что мы имеем: либо употребление в другой синтаксической функции для этих образных слов просто не отмечено в текстах, либо оно в принципе невозможно. Иначе говоря, составляют ли образные слова единую лексико-грамматическую группу в пределах "имени качества" или, как местоимения, распределяются по нескольким категориальным разрядам (в частности, прилагательное, наречие и имя качества). Также остается неясность с междометиями. Могут ли они все функционировать адвербиально (и, стало быть, особой части речи "междометие" в удэгейском вообще нет, а там, где они в текстах

употребляются изолированно, просто опущен глагол) или же междометия, как неизменяемые, синтаксически изолированные слова все-таки существуют в удэгейском?

Со служебными словами также возникает много вопросов. Существуют ли в удэгейском языке "чистые" послелоги или же все они способны функционировать и как наречия и, следовательно, относятся к категории "адвербиальных послелогов"? Неизученным остается употребление некоторых местоимений в функции союзного слова (*ни* 'тот, кто', *онобуи* 'какой') и некоторых наречий в функции союза; например, *гиэ* 'вместе' в начале причастного оборота означает 'как раз, когда', 'в тот момент, когда'.

За пределами описанных выше восьми частей речи остаются так называемые "частицы". Среди них имеются слова, относящиеся ко всей фразе (*гэ* 'ну'), либо исключительно к глаголу (*гуму* 'мол', *гунэ* – частица, указывает, что говорящий является свидетелем данного действия).

Несмотря на многие неясности, возникающие при написании конкретных словарных статей, общий принцип, проводимый в нашем словаре, таков. Употребляемая в разных синтаксических позициях основа относится к одному и тому же полифункциональному слову (и, следовательно, описывается в рамках единой словарной статьи), если 1) независимо от синтаксической функции, она имеет одну и ту же лексическую семантику, 2) присущий ей набор синтаксических функций не является уникальным, а характерен для целого класса слов (для одной из перечисленных выше частей речи). Во всех остальных случаях фонетически тождественные основы описываются в

разных словарных статьях как разные слова. Чаще всего последнее возникает при совпадении глагольной и именной основы. Например, *оԉо-* 'делать узоры' // *оԉо* 'узоры'; *соктоу-* 'стелить' // *соктоу* 'настил', 'постель'; *игду-* 'расчесывать' (волосы) // *игду* 'расческа'. Нетрудно заметить, что в этих и подобных парах нет полного лексического тождества, именная основа имеет везде на один "семантический множитель" больше, чем глагольная. *Оԉо* и *соктоу* – это не название действия, а **то, что получается в результате** данного действия, *игду* - **то, с помощью чего осуществляется** данное действие.

В ряде случаев, однако, трудно сказать, с чем мы имеем дело. Несколько высокочастотных слов по набору своих синтаксических функций не совпадают ни с одной из перечисленных частей речи. Например, *омо* в одних контекстах употребляется как количественное числительное 'один', в других как "имя качества" ('один', 'некий'; 'один только', 'исключительно') с атрибутивными и адвербиальными значениями; *анчи* употребляется в составе именного сказуемого ('отсутствующий', 'не имеющийся в наличии') и функционирует как имя существительное ('то, чего нет', 'несуществующее') и послелог ('без'). Что это, разные слова (*омо I* числительное и *омо II* "имя качества"; *анчи I* "адвербиальное имя" и *анчи II* послелог) или это единые полифункциональные слова, не вмещающиеся в нашу классификацию просто из-за ее недоработанности и несовершенства?

Есть и другие неясности. Просматривая заново свой словарь, замечаешь, что иногда вопрос о принадлежности слова к той или иной части речи, пожалуй, решен неудачно. Например, формы

направительного падежа от некоторых "пространственных" имен (типа *хэгэихи* 'вниз', *дидихи* 'внутрь'), скорее всего, уже стали "адвербальными послелогами" и вышли из парадигмы существительных. Хотя категорично это утверждать все-таки нельзя, ибо в нашем распоряжении могли оказаться какие-то маргинальные случаи, в целом для языка не характерные. Выяснить эти и другие неясности можно будет лишь в ходе дальнейших исследований, специально посвященных проблеме частей речи в удэгейском языке.

3.4. Грамматические сведения в словарных статьях. Что касается грамматических категорий, то при составлении удэгейского словаря надо учитывать следующее.

1) Грамматические категории в удэгейском делятся на обязательные и факультативные. К обязательным относятся падеж существительного, наклонение, вид, время финитной формы глагола и многие другие. Наиболее яркой факультативной категорией является собирательность у имен существительных. Разница между обязательной и факультативной категориями в том, что слово, обладающее обязательной категорией, всегда стоит в одной из грамматических форм этой категории, в то время как слово, имеющее факультативную категорию, принимает дополнительное значение лишь тогда, когда это выражено специальными показателями, а в остальных случаях нейтрально к данной грамматической семантике. Так, существительное в удэгейском тексте всегда стоит в каком-либо конкретном падеже, а финитная форма глагола в конкретном виде, времени и наклонении. Но существительное само по себе, без специального аффикса, нейтрально к идее собирательности. Если собирательная

форма *мамасана* означает несколько жен, то форма без показателя *-на* отнюдь не * 'одна жена', это одна или несколько жен в зависимости от контекста.

Категория собирательности характерна для одушевленных имен существительных; изредка встречается также у образных слов, ср. *бигзамзиға* 'раскорячившись' (прыгать - о множестве лягушек). Ее основные показатели: *-зиға*, *-на*, также *-гэту* с дополнительным значением 'все'. Мы рассматриваем собирательность как грамматическую категорию, поэтому ее формы не являются самостоятельными словами и не должны описываться в отдельных словарных статьях. Однако они достаточно специфичны и в словарной статье их желательно как-то выделить. Мы сочли целесообразным подавать эти формы отдельным абзацем в конце словарной статьи, а в соответствующем по алфавиту месте словаря делать на эту статью отсылку.

2) Как и в каждом другом языке грамматические аффиксы в удэгейском могут быть продуктивными и непродуктивными. Разграничить их точно по этому признаку без специальных исследований, конечно, нельзя, однако определенные статистические наблюдения на этот счет у нас все-таки имеются.

Совершенно очевидно, что "повторная форма" глагола с аффиксом *-ги*, форма направленности для совершения действия ("пойти что-л. сделать") с аффиксом *-на*, каузатив *-вана*, страдательный залог на *-у*, желательное наклонение на *-кча*, начинательный вид на *-ли*, причастие настоящего времени на *-и*, будущего на *-заңа* являются регулярными формами, способными образовываться практически от любой глагольной основы, при этом лексическая семантика глагола не меняется, добавляется

лишь грамматическое значение, входящее в парадигму определенной грамматической категории ("залога", "наклонения", "вида" и т.д.). То, что в словаре Е.Р.Шнейдера эти формы иногда фигурируют как самостоятельные слова, можно объяснить тем, что Е.Р.Шнейдер только начал изучение удэгейской грамматики и на тех ограниченных материалах, которыми он располагал, трудно было сделать однозначный вывод о продуктивности каждого аффикса. Особенно часто в его словаре даются как самостоятельные слова глагольные формы на *-ѓи* (по нашим подсчетам, в [ССТМЯ] их 69), а также на *-ли* (25) и на *-вана* (40), хотя от общего числа представленных в словаре глаголов это все-таки небольшие величины.

Эти и другие регулярные грамматические формы мы, естественно, соблюдая законы лексикографии, не даем в своем словаре как отдельные слова, но в ряде случаев, внутри соответствующей словарной статьи, все-таки их выделяем. Это делается, во-первых, в именных словарных статьях. Примеры на употребление имени в данном значении (или подзначении, если таковые есть) группируются по падежам: вначале даются примеры с именем в им. п., затем (после знака •) примеры с именем в вин. п. и т.д. в заданном порядке. Такая подача материала целесообразна, поскольку имя в разных падежах может иметь разную лексическую сочетаемость и, следовательно, какую-то специфику в своей лексической семантике.

Во-вторых, некоторым грамматическим формам удэгейского глагола (прежде всего каузативу и форме направленности с аффиксом *-на*) нет грамматических соответствий в русском языке и поэтому русские переводы этих форм индивидуальны в

каждом конкретном случае. Например, каузатив от *дига-* 'есть', 'кушать' – *дигавана-* 'кормить', 'потчевать', 'давать есть', от *исэ-* 'видеть' – *исэвэнэ-* 'показать', форма с аффиксом *-на* от *ā-* 'гнаться', 'преследовать' – *âна-* 'пойти гонять' (зверей), 'пойти охотиться' и т. п. В силу нестандартности именно русских переводов эти, регулярные с удэгейской точки зрения, грамматические формы имеет смысл как-то выделить в словаре. Мы даем их отдельным абзацем в конце словарной статьи или после примеров на то или иное значение глагола. Иногда, по той же причине, отдельным абзацем даются примеры и на другие грамматические формы. Например, у слова *ӈуâ-* 'спать' форма с аффиксом *-ғи (ӈуâғи-)* имеет в русском языке нестандартный перевод: 'ложиться спать', и это желательно выделить в словаре.

В то же время по поводу многих удэгейских аффиксов на данном этапе изучения трудно сказать однозначно, являются ли они словообразовательными или словоизменительными. Некоторые (например, *-мула* показатель "совместимости": *мамаса* 'жена', *мамасамула* 'с женой') мы условно рассматриваем как словоизменительные и подаем примеры на их употребление отдельным абзацем в рамках единой словарной статьи. Но в большинстве случаев мы придерживаемся правила: если есть какие-то сомнения в грамматичности данной формы, мы приводим ее в словаре как самостоятельное слово. Из нашего материала видно, что от многих удэгейских глаголов можно образовать формы длительности (например, *тукиа-* 'бежать', 'побежать' – *тукиаси-* 'бегать' [куда-л. долгое время]) и многократности (~ многосубъектности ~ многообъектности ~ разнонаправленности) действия (*тукиаваси-* 'бегать' [в разные стороны]). Но насколько эти категории грамматичны? Пока это

не выяснено, мы трактуем в словаре *тукиа-, тукиаси-, тукиавасии-* и подобные как самостоятельные слова.

3) Развитие языка приводит часто к тому, что одна и та же грамматическая форма для разных исторически сложившихся групп лексики выражается материально разными аффиксами. В европейских языках это так называемые "склонения" и "спряжения". Нечто подобное у глагола есть и в удэгейском языке. В ходе проведенных нами фонетических и грамматических исследований выяснилось, что удэгейские глаголы по форме прошедшего времени разделяются на три основных спряжения:

I. Основы, имеющие в конце исторически краткий гласный. Показатель прошедшего времени *-а*; вместе с предыдущим гласным основы ("а", "э", "о") образует фонически единый двуморный гласный: [аа], [ээ], [оо], который мы для простоты написания обозначаем, как долгий, черточкой над буквой: *эмэми* 'прийти', *эмэ̄ми* 'я пришел' (при эвенк. *эмэ-* тж.), *ӈэнэми* 'пойти', *ӈэнэ̄ми* 'я пошел' (эвенк. *ӈэнэ-*), *илами* 'разжечь', *ила̄ми* 'я разжег' (эвенк. *ила-*). По этому же типу образуют прошедшее время и односложные основы на "прерывный" гласный: *б'ами* 'найти', *б'а̄ми* (фонически [б'а͡ами]) 'я нашел', *л'оми* 'повесить', *л'о̄ми* 'я повесил'.

II. Основы у которых конечный краткий гласный исторически восходит к долгому. Показатель прошедшего времени *-а̂* (сливается с предыдущим широким гласным основы): *дэуми* 'устать', *дэуэ̂ми* 'я устал' (эвенк. *дэрӯ-* тж.), *гэлэми* 'просить', *гэлэ̂ми* 'я попросил' (эвенк. *гэлэ̄-*), *вами* 'убить', *ва̂ми* 'я убил' (эвенк. *ва̄-*). Так же образуют прошедшее время односложные глаголы с "долгим" гласным основы (этот гласный либо сливается с

последующим “аспирированным” в случае широких “а̄”, “э̄”, “о̄”, либо теряет “долготу” в случае узких “ӣ” и “ӯ”): *а̄ми* ‘гнаться’, *а̂ми* ‘я погнался’, *тэ̄ми* ‘сесть’, *тэ̂ми* ‘я сел’, *до̄ми* ‘садиться’ (о птице), *до̂ни* ‘она села’, *ӣми* ‘входить’, *изэ̂ми* ‘я вошел’. У основ с конечным “аспирированным” показатель прошедшего времени сливается с конечным гласным основы: *уйа̂ми* ‘спасти’, *уйа̂ми* ‘я спас’, *ӈуа̂ми* ‘спать’, *ӈуа̂ми* ‘я спал’.

III. Большинство основ с конечным *-н(а)*. В прошедшем времени имеют аффикс *-ки:* *диғанами* ‘говорить’, *диғаӈкими* ‘я сказал’, *гулинэми* ‘направиться’, *гулиӈкими* ‘я направился’, *ӣна-* ‘достигнуть’, *ӣӈкими* ‘я достиг’, *дигаванами* ‘кормить’, *дигаваӈкими* ‘я покормил’. Имеется, однако, небольшая группа слов с конечным *-н(а),* относящихся к I-му спряжению: *ӈэнэми* ‘пойти’, *ӈэнэ̄ми* ‘я пошел’, *пактанами* ‘ударять’, *пактана̂ми* ‘я ударил’ и др.

Помимо этих трех основных спряжений, есть еще несколько “неправильных” глаголов, образующих прошедшее время и некоторые другие формы по особым схемам. Например, *би-* ‘быть’, *э-* (глагол отрицания) имеют в прошедшем времени аффикс *-си.*

Надо заметить, что Е.Р.Шнейдер не различал I-е и II-е спряжения, глаголы обоих типов он записывал в одно (“второе”, по нашей терминологии) спряжение [Шнейдер 1936, 119].

Принадлежность глагола к тому или иному типу спряжения объясняется исторически, определить его по внешнему виду основы не всегда возможно. Поэтому в словаре при глагольных основах целесообразно указывать тип спряжения и вообще все “неправильные” формы (что широко используется в лексико-

графической практике). Однако в нашем случае возникает целый ряд трудностей. Во-первых, не для всех глаголов зафиксирована форма прошедшего времени, во-вторых, в современном удэгейском произношении (под влиянием того, что информанты постоянно говорят по-русски) различие между интенсивными плавными и резкими в непервых слогах слова бывает настолько нечетким, что утверждать категорично (без дополнительных проверок) о том, что здесь тот или иной гласный, порою просто рисковано.

Принимая во внимание эти трудности, а также то, что по фонетической форме основы во многих случаях все-таки можно определить тип спряжения (глагольные основы с конечным "кратким" гласным, как правило, принадлежат к I-му спряжению, а с конечным *-н(а)* - к III-му), мы решили указывать в словаре тип спряжения лишь для "маркированных", нестандартных случаев (к таковым относятся II тип спряжения для основ с конечным гласным основы и I тип спряжения для основ на *-н(а)*, причем делать это лишь для тех основ, "нестандартность" спряжения которых хорошо подтверждается материалами.

Таким образом, отсутствие указаний о спряжении глагола означает в нашем словаре одно из двух: либо этот глагол спрягается стандартно для своего фонетического типа, либо о его спряжении мы ничего не знаем или знаем не достаточно хорошо. Конечно, хотелось бы давать в словаре более точные грамматические сведения, но наши знания по грамматике удэгейского языка пока что не позволяют сделать большего. Типы спряжения в удэгейском - это тема особого грамматического исследования.

3. 5. Семантическая рубрикация словарной статьи. Полный анализ контекстов, в которых употребляются зафиксированные нами слова, позволил структурировать семантику многих из них (особенно высоко частотных). Были выделены отдельные значения слов, а иногда и семантические оттенки ("подзначения"). При этом, не отрицая интуитивного подхода, неизбежного в такой совершенно неисследованной области как удэгейская семасиология, мы старались, везде где можно, применять объективные критерии.

Наш семантический анализ прежде всего касается глаголов, так как в среднем они в удэгейском более многозначны, чем имена. Отдельные значения глаголов мы выделяем, опираясь на их грамматические валентности. Для каждого значения характерны особый тип грамматического управления и сочетаемость с определенным классом имен в роли подлежащего и прямого и косвенного дополнения. Например, *ĵна-* **1)** 'достигнуть', 'добраться' (куда-л. ~ к кому-л.); подлежащее - имя, обозначающее одушевленное существо (обычно человека), косвенное дополнение - имя в местном падеже, обозначающее какое-либо место или человека, где-либо находящегося. *Ңэнэми, би'аса даталани ĵңкини.* 'Он шел и добрался до устья реки'. *Ңэнэмиэ, ңэнэмиэ, эмэндэлэ ĵңкити.* 'Шли они, шли и прибыли к эмэ́ндэ' (к отрицательной фольклорной героине); **2)** 'подойти', 'наступить' (о времени); подлежащее – имя, обозначающее отрезок времени; обязательного дополнения, зависимого от глагола, нет. *Бимиэ, йат'аутиғи ĵлини ĵңкини.* 'И вот пришло время на родильный шалаш' (= идти в родильный шалаш); **3)** 'хватать', 'быть достаточным' (на какое-то время - о продуктах); подлежащее – имя, обозначающее запасаемый продукт, косвенное дополнение –

глагол в форме деепричастия на *-ми* с зависимым от него именем в им. п. (или "адвербиальным именем"), обозначающим отрезок времени. *Мафа имôни буа туэни дигами йнаини.* 'Медвежьего сала хватает для еды в зимнее время'; **4)** 'хватить', 'достаться' (при дележе - о продуктах); подлежащее – имя, обозначающее запасаемый (~ распределяемый) продукт, косвенное дополнение - имя в дательно-местном падеже, обозначающее человека; других обязательных косвенных дополнений нет. *Ата йна синду.* 'Тебе не достанется' (ничего при дележе).

При выделении глагольных значений часто возникают трудности из-за недостатка контекстов. Например, на интуитивном уровне мы ощущаем, что такой-то глагол имеет в наших текстах два значения, и предполагаем, какая грамматическая сочетаемость характеризует каждое из них. Однако в имеющихся в нашем распоряжении фразах часть дополнений этого глагола (а иногда и все) опущены: из контекста и так ясно, о чем идет речь. Не имея возможности пополнить свой материал там, где это необходимо, новыми контекстами, мы вынуждены давать на суд читателя лишь предположительно выделенные значения глагола. По тому, насколько полно указано в словарных статьях глагольное управление и по приведенным примерам читатель легко сориентируется, где глагольные значения выделены более менее объективно, а где в основном по интуиции.

Имена существительные семантически более однородны. Однако встречаются и многозначные. Семантическая дифференциация имени связана, как нам кажется, с тем, в роли каких синтаксических актантов (субъект действия, объект, инструмент и

т. д.) это имя может выступать в предложении. Например, *мӯ* 1) ‘дерево’ (растение); может быть субъектом действия: *растет, засыхает, падает*; 2) ‘дерево’, ‘древесина’; может быть материалом изготовления: *сделать что-л. из дерева*; 3) ‘палка’, ‘палочка’; может быть орудием действия: *бить палкой*; 4) ‘дрова’, ‘поленья’; может быть объектом (энергетического) потребления: *жечь дрова;* 5) ‘ствол’; означает часть целого: *ствол дерева*, и т.д. К сожалению, в деталях подобные синтаксические критерии для удэгейского языка не разработаны. Мы учитываем их в какой-то степени, однако при описании именной семантики в основном вынуждены опираться на собственное языковое чутье.

Иногда в пределах одного значения слова мы выделяем несколько контекстуальных вариантов (*оттенков* этого значения), в зависимости от того, с какими группами слов данная лексема сочетается. Например, *огдо(и)* а) ‘сторона’, ‘бок’ (пространство сбоку от чего-л.); б) ‘бок’ (боковая сторона туловища); в) ‘стена’ (дома); г) ‘склон’ (сопки).

Оттенки выделяются в тех случаях, когда по какому-то слову имеется большой фактический материал и можно более детально систематизировать его семантику. Частично оттенки отражают семантическую реальность удэгейского языка, частично русского перевода. Четко разграничить то и другое очень трудно и вряд ли необходимо для данного словаря. Возможно, специальные исследования - если таковые когда-нибудь будут проведены в будущем, пока еще не исчез язык - покажут, что некоторые выделенные нами оттенки в действительности являются самостоятельными значениями, а некоторые наши значения всего лишь смысловые оттенки. Ничего страшного в этом не будет.

Пусть мы завысили или занизили ранг семантической единицы, главное - мы выделили ее в словарной статье отдельным абзацем и тем самым обратили на нее внимание читателя.

Помимо семантического членения, словарные статьи в нашем словаре могут подразделяться и по грамматическому признаку. Выше (в разделе *3.3.*) мы уже говорили о полифункциональных частях речи в удэгейском языке, таких как "имя качества" (типа *айа* 'хороший'; 'хорошо'), "адвербиальное имя" (*нэки* 'весной'; 'весна') и "адвербиальный послелог" (*ки'афа* 'возле' [чего-л.]; 'сбоку', 'по краю'), способных в одних грамматических контекстах реализовываться как одна монофункциональная часть речи, в других - как иная. Например, *айа* в позиции перед существительным грамматически тождественно прилагательному ('хороший'), а перед глаголом выступает как наречие ('хорошо'). В словаре это различие в функциях передается за счет разбивки словарной статьи на грамматические рубрики.

Для некоторых слов бывает целесообразным отметить и более мелкие функциональные отличия (так сказать, "грамматические оттенки"). Например, слово *эгди* 'много', 'в большом количестве' может находиться в препозиции или в постпозиции к определяемому существительному, а то, в свою очередь, может занимать в предложении разные места: быть подлежащим при конкретном глаголе или глаголах "быть", "стать", являться именной частью составного именного сказуемого или прямым дополнением при конкретном глаголе. В соответствии с этими употреблениями словарная статья слова *эгди* членится нами на грамматические подпункты. Подобную разбивку мы делаем и для других высоко частотных слов, играющих важную

грамматическую роль в предложении. Например, показываем, как функционирует местоимение *нуани* 'он', 'она' в зависимости от того, какое место в фразе занимает оно само и его антецедент, или, описывая глагол *би-* 'быть', приводим отдельными пунктами все аналитические конструкции, в которых *би-* как вспомогательный глагол участвует. Не беда, что такое подробное описание задача, скорее, уже не словаря, а специальных грамматических работ. Своими первичными классификациями мы создаем задел для таких исследований, делаем первый шаг в синтаксическом изучении языка.

* * *

Текст словаря написан М.Д.Симоновым. Существенную помощь в его создании оказала хорская удэгейка Валентина Тунсяновна Кялундзюга́ (конкретно о ее работе сказано выше, в соответствующих разделах "Введения"). Наш соавтор замечательный знаток родного языка и культуры, энтузиаст удэгейского дела. Долгие годы она по собственной инициативе собирала удэгейский фольклор. Она же была инициатором восстановления удэгейской письменности и возобновления школьных уроков по изучению родного языка. Идея написать этот словарь также принадлежит ей.

Мы выражаем благодарность всем удэгейцам, от которых были записаны фольклорные тексты, всем, кто помогал нам в работе как информант.

М.Д. Симонов август 1995 г.

ЛИТЕРАТУРА

[Аврорин] *Аврорин В.А.* Грамматика нанайского языка. - М.-Л., изд-во АН СССР, 1959 - Т. I; 1961 - Т. II.

[Аврорин 1960] *Аврорин В.А.* О классификации тунгусо-маньчжурских языков. // XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. - М., ИВЛ, 1960.

[Брайловский] *Брайловский С.Н.* Тазы или удиhэ (опыт этнографического исследования). - Владивосток, 1898.

[Василевич] *Василевич Г.М.* Грамматический очерк эвенкийского языка. // Эвенкийско-русский словарь (составила Г.М.Василевич). - М., ГИС, 1958.

[Маак] *Маак Р.* Путешествие по долине реки Уссури. - СПб., 1861.- Т. I.

[Надаров] *Надаров И.П.* Северно-Уссурийский край. // Записки Императорского русского географического общества. - СПб., 1887. -Т. XVII, N1.

[РСФСР в цифрах] *РСФСР* в цифрах в 1989 (краткий статистический сборник). - М., Финансы и статистика, 1990.

[Серожидинов] *Серожидинов В.* Этот неистовый Шнейдер. // "Ленинец": газ. РК КПСС и РС р-на им. Лазо Хабаровского края. - п. Переяславка, 1987. - NN 113 и 114.

[Симонов 1988] *Симонов М.Д.* Фонологическая система удэгейского языка. // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. - Новосибирск, 1988 - Сб. науч. тр. / ИИФФ СО АН СССР.

[Симонов 1991] *Симонов М.Д.* Удэгейская лексика в записях польского этнографа С.Понятовского. // Б.О. Пилсудский - исследователь народов Сахалина (Материалы международной конференции. 31 октября - 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск): Сахалинский областной краеведческий музей. - Южно-Сахалинск, 1992. - Т. 2.

[ССТМЯ] *Сравнительный* словарь тунгусо-маньчжурских языков (материалы к этимологическому словарю) / под ред. В.И. Цинциус. - Л., Наука, 1975 - Т. 1; 1977 - Т. 2.

[Суник] *Суник О.П.* Удэгейский язык // Языки народов СССР. - Л., Наука, 1968. - Т. V.

[ФУ] *Фольклор* удэгейцев (ниманку́, тэлунгу́, ехэ́) / составители: Симонов М.Д., Кялундзюга В.Т., Хасанова М.М. и др. (в печати).

[Шнейдер 1934] *Шнейдер Е.Р.* Книга для чтения (учебник для второго класса начальной школы, часть II). - Л., Учпедгиз, 1934.

[Шнейдер 1935] *Сэлэмага* (сказки народа удэ, записанные Е.Р.Шнейдером). - Л., ОГИЗ - ДетГИЗ, 1935.

[Шнейдер 1936] *Шнейдер Е.Р.* Краткий удэйско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). - Л., Учпедгиз, 1936.

[Шнейдер 1985] *Шнейдер Е.Р.* Материалы по языку анюйских удэ (фонетика, морфология, лексика). // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. - Новосибирск, 1985. - Сб. науч. тр. / ИИФФ СО АН СССР.

[Яхонтов] *Яхонтов В.Д.* Страна птиц (рассказы натуралиста о птицах Приморья). - Хабаровск, Хабар. кн. изд., 1969.

[Heidenreich] *Heidenreich B.* Kultura goldów i oroczonów w świetle etnograficznych materiałów Stanisława Poniatowskiego. // Polska Akademia Nauk. Zakład historii nauk, oświaty i techniki. Monografie z dziejów nauki i techniki. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, wyd. PAN. - T. CIII.

[La Pérouse] *La Pérouse.* Voyage de La Pérouse autour du monde, publié conformément au decret du 22 avril 1791 et rédigé par M.L.A. Milet-Mureau ... - Paris, 1797. - T. III.

[Poniatowski 1923] *Poniatowski S.* Materials to the Vocabulary of the Amur Gold. - Warszawa, 1923.

[Poniatowski 1966] *Poniatowski S.* Dziennik wyprawy (do Kraju Goldów i Oroczonów w 1914 roku). // Lud. - Wrocław, 1966. - T. L, Cz.1 .

[Schmidt] *Schmidt P.* The language of Oroches. - Acta Universitātis Latviensis. - Rīgā, 1928. - XVII.

О ПОСТРОЕНИИ СЛОВАРЯ

Все слова, включая имена собственные, даются в общем списке. Словарная статья начинается с абзаца и имеет следующую структуру:

1. Заглавное слово. Дается жирным шрифтом заглавными буквами, со всеми диакритическими знаками у гласных. Приводится в форме, совпадающей с лексической основой. Для склоняемых частей речи (имя существительное, некоторые

разряды местоимений) это форма именительного падежа, для глагола - глагольная основа с дефисом на конце, например, **А̄-** ‘преследовать’, ‘гнаться’.

Если при склонении у имени восстанавливается конечный *-н* основы, утраченный в именительном падеже, то на конце заглавного слова в круглых скобках пишется маленькая буква “н”, например, **АМИ(н)** ‘отец’. Эта приписная буква не влияет на алфавитное расположение слов в словаре.

Если имя зафиксировано в наших источниках только в косвенных падежах, то заглавное слово дается в форме основы с двойным дефисом. Например, **ДО=** ‘пространство внутри’ (чего-л.). В большинстве случаев это основы “пространственных” имен, которые обычно встречаются в локативных падежах.

Если основа зафиксирована в нескольких близких вариантах, будь то фонетических, например, **ПИАЛЬ-ПИАЛЬ (~ пиар-пиар)** ‘шаркая ногами’, или морфонологических, связанных, например, с сохранением или утратой при склонении конечного *-н* основы: **АМИ(н) (~ ами)** - второй, менее распространенный вариант, дается после главного варианта в круглых скобках с начальной тильдой, также жирным шрифтом, но маленькими буквами.

Если несколько заглавных слов совпадают фонетически, то вначале в словаре приводятся имена, а затем глаголы. Омонимы выделяются римскими цифрами в тех случаях, когда относятся к одной части речи. Ср. **ЙÂИДА** ‘шум’; **ЙÂИДА-** ‘раздается шум’; **ЙÂ I** ‘глаза́’; **ЙÂ II** ‘корова’; **ЙÂ III** этн. ‘кузнечный камень’; **ЙÂ IV** ‘осыпь’ (на крутом берегу); **ЙÂ- I** ‘петь’ (о шамане); **ЙÂ- II**

‘обваливаться’, ‘осыпаться’ (о земле на крутом берегу); **Ӣ (~ӣ̂) I** вопр. мест. ‘где (здесь)?’; **Ӣ (~ ӣ̂) II** указ. мест. ‘вот!’, ‘этот!’.

После некоторых глаголов в круглых скобках дается форма прошедшего времени (в 3 л. ед. ч.), указывающая на тип спряжения. В соответствии с принятыми в нашем словаре правилами (см. “Введение”, *3.4.*, пункт *3*)) это делается регулярно для глаголов II-го спряжения (аффикс прошедшего времени *-а̂*) и для небольшой группы глаголов с основой на *-н(а)-*, относящихся, как исключение, к I-му спряжению (аффикс прошедшего времени *-а*; гласный аффикса, сливаясь с конечным *-а* основы, становится двуморным: *-а* [а͡а]). I-е спряжение указывается лишь в нестандартных случаях, например, для односложных глаголов с “прерывными” гласными: **Б‘А-** (б‘а̄ни) ‘найти’; **Л‘О-** (л‘о̄ни) ‘вешать’ или для глаголов с конечным *-ла*: **ИЛА-** (ила̄ни) ‘развести’ (костер) (большинство глаголов на *-ла* II-го спряжения).

Если для глагола не указан тип спряжения, то это означает одно из двух: либо он спрягается стандартно (по I-му спряжению для основ, оканчивающихся на гласный, и по III-му для основ на *-н(а)*), либо о его спряжении нам ничего достоверно не известно.

Некоторые глаголы в устах одного и того же информанта имеют два внешне равнозначных варианта прошедшего времени, которые мы даем через тильду. Например, **ЙӢНА-** (йӣкини ~ йӣна́ни) ‘достигнуть’. Данная запись означает, что глагол *йӣна-* обычно изменяется по III-му спряжению, но иногда образует прошедшее время как глагол I-го (или II-го спряжения). Какого именно из них, мы пока что сказать затрудняемся, так как не ясен характер суффиксального гласного: либо это **интенсивный плавный** (ā), либо **интенсивный резкий** (â). Не вдаваясь в

фонетические дискуссии, ставим над гласным в этом случае (как и в других подобных) просто знак ударения.

В скобках после глагольной основы могут указываться и другие грамматические формы, если их образование в чем-то отклоняется от стандарта. Примеры: **Ā-** (âни, âини) 'преследовать', 'гнаться'. Здесь, помимо формы прошедшего времени (âни), приводится форма причастия настоящего времени (3 л. ед. ч. âини), так как при ее образовании меняется гласный основы. **ГЭЛЭ-** (гэлэ̂ни; напр. ф. гэ̂нэ-) 'просить'. У этого глагола II-го спряжения (пр. вр. гэлэ̂ни) нерегулярной является форма направленности для совершения действия: *гэ̂нэ-* 'пойти попросить'. Больше всего нерегулярных форм у глаголов *би-* 'быть' и *э-* (глагол отрицания).

2. Семантика. Русский перевод дается в семантических кавычках. На этнографических терминах, заимствованных из удэгейского языка и удэгейских именах собственных, ставится ударение. Местные русские выражения, не соответствующие нормам литературного языка, приводятся в качестве перевода (там, где это необходимо) в обычных кавычках, с ударением и с пометой "мест. русск.".

В словаре выделяются грамматические и лексические значения слова. В соответствии с этим словарная статья членится на рубрики.

Самые крупные грамматические рубрики (обозначаемые жирными заглавными буквами: **А., Б., В.** и т. д.) имеют слова, относящиеся к полифункциональным частям речи: "имени качества", "адвербиальному имени" и т. д. В каждой из этих рубрик описывается употребление слова в функции той или иной

"базисной" части речи (обычно имени прилагательного, наречия или имени существительного). Например, **ХЭКӀИ А.** 'жаркий'; **Б.** 'жарко'; **В.** 'жар'.

Более частные грамматические употребления слова обозначаются строчными буквами греческого алфавита: α., β., γ. и т.д. (иногда еще с разбивкой на подпункты: α_1., α_2. ...). Например, **ЭГДИ** в функ. определения 'много', 'множество', 'большое количество'. α. определяемое имя - в роли подлежащего при конкретном глаголе; α_1. *эгди* в препозиции к имени, без инверсии; α_2. *эгди* в препозиции к имени, с инверсией; α_3. *эгди* в постпозиции к имени; β. определяемое имя - в роли подлежащего при глаголах "быть", "стать"; β_1. *эгди* в препозиции к имени; β_2. *эгди* в постпозиции к имени; γ. определяемое имя - в роли имен. ч. сказ., δ. определяемое имя в роли прямого дополнения при конкретном глаголе; δ_1. *эгди* в препозиции к имени без инверсии; δ_2. *эгди* в препозиции к имени, с инверсией и согласованием в падеже; δ_3. *эгди* в препозиции к имени, с инверсией и без согласования в падеже; δ_4. *эгди* в постпозиции к имени и с согласованием в падеже; δ_5 эллипсис определяемого имени, *эгди* с показателем вин. п.

Лексические значения слов отмечаются жирными арабскими цифрами со скобкой: **1)**, 2), **3)** и т. д. "Оттенки" значений - строчными русскими буквами со скобкой, обычным шрифтом: а), б), в) ...

Грамматическое управление глаголов передается синтаксическими формулами, например, **Что-л. - И-ва, куда-л. – И-тиҧи,**

откуда-л. - И-диғи; Что-л. - Фр, кому-л. - И-тиғи; Вслед за кем-л. - И-∅ ами'афа; Что-л. сделать - Гл-ми.

Формула состоит из одного или нескольких блоков, по числу глагольных актантов (зависимых от глагола членов предложения, влияющих на его семантику). Каждый блок (например, **Что-л. – И-ва**) имеет две части, разделенные тире. В левой половине: вопрос, на который отвечает зависимый член предложения. Дается в русском переводе, в виде неопределенного местоимения (**Что-л., Куда-л.** и т. п.) или фразы с таким местоимением (**Что-л. сделать**). В правой половине указана грамматическая форма зависимого члена предложения в виде символа части речи (**И, Гл, Прил**) с присоединенным через дефис соответствующим аффиксом. Части речи обычно передаются одним из четырех символов: **И** – имя (в том числе существительное, местоимение, прилагательное, "имя качества", "адвербиальное имя"), **Прил** - прилагательное, **Гл** – глагол, **Гл(пр)** – отглагольное причастие. В редких случаях употребляются также другие символы: **Мест** (местоимение), **Межд** (междометие) и т. п. Расшифровку этих аббревиатур см. в "Списке сокращений". Если от глагола зависит придаточное предложение, то это передается символом **Фр** (фраза). Аффикс, присоединенный к символам **И, Прил, Гл(пр),** показывает, в каком падеже употребляется данный член предложения, а после символа **Гл** – в какой глагольной форме фигурирует дополнение или обстоятельство, выраженное глаголом. Например, **И-∅** означает им. п. имени, **И-ва** - вин. п. имени, **Гл-ми** - деепричастие на *-ми*. **Обращаем внимание:** грамматические показатели в формулах даются всегда в своей основной форме. Например, винительный падеж всегда обозначается аффиксом *-ва* (несмотря на то, что у слов с конечным *-н* основы он звучит *-ма*). Зависимые пос-

леложные конструкции передаются символом **И** (оформленным соответствующим падежным аффиксом, обычно ∅ – им. п.) в сочетании с тем или иным послелогом: **Вслед за кем-л. – И-∅ ами'афа.** Синонимические варианты левой и правой частей формулы даются через тильду: **Где-л (~ к чему-л.) – И-ла; Где-л. – И-ла ~ И-ду.**

Формула может иметь несколько "блоков" в зависимости от количества актантов. Например, для глаголов типа "нести" (что-то, куда-то, откуда-то) она приобретает вид: **Что-л. – И-ва, куда-л. - И-тиғи, откуда-л. - И-диғи.** Каждый "блок" в формуле отделяется от другого запятой.

Описывая глагольное управление, мы постоянно сталкиваемся с проблемой: какие члены предложения являются для данного глагола актантами (словами, влияющими на его семантику), а какие сирконстантами (факультативными обстоятельствами). Первые мы должны обозначать в формулах управления, а вторые нет. Не имея никаких грамматических разработок на эту тему, приходится опираться только на языковое чутье. При этом мы действуем по принципу: если существуют сомнения по поводу какого-то члена предложения (актант это или сирконстант), то лучше указать его в формуле, приписав ему (может быть, и неправильно) статус актанта, чем ошибиться в противоположную сторону.

При выведении формул управления остро встает также проблема грамматического эллипсиса. Например, для глагола *ō- I* (в значении 'делать') на материале наших текстов можно установить несколько видов управления: (1) **Что-л. – И-ва;** (2) **Что-л. – И-ва, из чего-л. – И-ʒи;** (3) **Что-л. – И-ва, чем-л. – И-ʒи;** (4) **Что-л. – И-ва, на**

чем-л. – И-ла; (5) **Что-л. – И-ва, в виде чего-л. - И-ва;** (6) **Что-л. - И-ва, кому-л. И-ду** и проч. Очевидно, что многие из этих формул (а, может, и все) являются эллиптическими вариантами более многочленных конструкций. Но какие из первичных формул можно объединить по законам удэгейского языка в более сложные, a priori не ясно. Всякое обобщение без специальных синтаксических исследований непременно приведет к искажению языковой действительности. Поэтому в словаре мы приводим отдельно **все** конструкции управления (даже те, которые почти наверняка являются эллиптическими вариантами).

Разные рубрики, на которые членится словарная статья, сочетаются следующим образом. Вначале дается разбивка на крупные грамматические разделы (функционирование в роли той или иной части речи; пункты: **А., Б., В.,** ...). Внутри разделов выделяются лексические значения: **1), 2), 3),** ..., с последующей разбивкой на лексические оттенки: а), б), в), ... или грамматические подпункты: α., β., γ., ... Все рубрики (за исключением самой первой) даются с красной строки.

Для глаголов последней стадией членения являются формулы управления. Они также, за исключением первой формулы, даются отдельным абзацем. Завершает перечень формул абзац, помеченный звездочкой. В нем приводятся фразы с эллипсисом всех зависимых членов предложения.

В конце словарной статьи (или семантической рубрики) приводятся словосочетания и грамматические формы, которые целесообразно выделить из общего текста. К таковым относятся устойчивые словосочетания (с точки зрения удэгейского языка или русского перевода) и "нестандартные" грамматические

формы: имена в форме совместности или с факультативными аффиксами собирательности, глаголы в формах, не имеющих прямых русских аналогов и поэтому нестандартно переводящихся на русский язык (каузатив на *-вана*, форма направленности для совершения действия с суффиксом *-на* и т. д.). Все эти словосочетания и формы даются отдельным абзацем со знаком •.

3. Иллюстративные примеры. Удэгейские фразы напечатаны обычным шрифтом, русские переводы курсивом.

В удэгейских словах, согласно разработанной нами орфографии, резкие напряженные гласные регулярно обозначаются крышечкой над буквой лишь в первом слоге, в остальных позициях наличие крышечки не обязательно.

В переводах на этнографических терминах, заимствованных из удэгейского и удэгейских собственных именах, ставится ударение (за исключением словарных статей, посвященных описанию этих слов и имеющих ударение на дефиниции). Отсутствие ударения означает, что нам оно неизвестно.

Примеры, поясняющие семантику слова, подобраны так, чтобы иллюстрировать каждую мельчайшую рубрику словарной статьи. При этом мы старались, чтобы приведенные в рубриках фразы не были тавтологичны и каждая вносила что-то новое в характеристику заглавного слова, например, показывала его лексическую сочетаемость.

Правда, в отдельных словарных статьях не достает примеров. Есть статьи (к счастью, немного) вообще без иллюстративного материала. Причина этого в недостаточной полноте наших текстов. На некоторые значения слов в наших источниках просто

нет примеров, на другие значения примеры есть, но мы остерегаемся включать их в словарь, поскольку они либо невразумительны, либо содержат, на наш взгляд, грамматические ошибки.

Фразы, взятые для иллюстрации, должны быть максимально короткими, не содержать лишних частей, удлиняющих текст и ничего не дающих для семантической характеристики слова. В чистом виде таких фраз в источниках не много и большинство приведенных нами примеров получено за счет купирования, удаления избыточных в данном контексте частей предложения. Купирование фразы слева и справа в словаре никак не отмечается. Вырезание куска из середины предложения в удэгейской фразе передается тремя точками в квадратных скобках, а в русском переводе просто тремя точками.

У имен существительных примеры внутри семантических рубрик группируются по падежам в следующем порядке:

- примеры, где данное имя фигурирует в им. п. в функции подлежащего или именной части сказуемого;
- примеры на вин. п. имени;
- на дат. п.;
- на мест. п.;
- на напр. п.;
- на исх. п.;
- на прод. п.;

- на тв. п.;
- на назн. п.;
- на конструкцию: им. п. + послелог;
- на конструкции отражения, в которых данное имя занимает позицию первого члена (обладателя), а вторым членом (обладаемым) является существительное с локативным значением в функции послелога (типа *долони* 'внутри');
- на конструкции отражения, аналогичные предыдущим, у которых второй член - полнозначное существительное;
- на им. п. в вокативной функции.

Каждая группа примеров на падежные формы отделяется от предыдущей внутри абзаца знаком • .

У существительных с локативным значением и местоимений многие падежные формы образуются нестандартно, а по семантике они близки к превращению в самостоятельные слова: наречия и послелоги (если уже таковыми не стали). Поэтому в нашем словаре у многих имен данного типа примеры на падежные формы даются отдельным абзацем и иногда внутри разбиваются еще на группы по семантическим и грамматическим признакам.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Собраны В.Т.Кялундзюгой. Большинство наших помощников являются сказителями. От них В.Т.Кялундзюгой записаны фольклорные произведения, использованные нами при составлении словаря. После фамилии этих удэгейцев ставится

буква [С]. От некоторых местных жителей была собрана непосредственно лингвистическая информация. Их фамилии отмечены буквой [И].

Для каждого информанта указаны фамилия, имя, отчество (если последнее известно; в скобках девичья фамилия), год рождения или годы жизни, образование, занятие, знание традиционной культуры.

1. Кимонкó Анна Денчýевна (Кялундзюгá) [И]; 1928; среднее; до пенсии работала зав. интернатом при школе; хорошо знает удэгейскую культуру, традиционные обычаи, сочиняет и исполняет песни на родном языке, в конце 80-х - начале 90-х годов вела в школе класс прикладного искусства.

2. Кимонкó Ехунда (Кялундзюгá) [С]; 1898-1977; неграмотная; домохозяйка; умела делать узоры, рассказывать сказки, изготовляла традиционную одежду и обувь.

3. Кимонкó Енлилú Бáтович [С]; 1911-1976; ликбез; охотник (бригадир в колхозе), потом песионер; всегда соблюдал старинные запреты, иногда шаманил, лечил больных иглоукалыванием (чему научился от отца), любил рассказывать сказки.

4. Кимонкó Еóфу Сесúльевич [И]; 1917; начальное; охотник, долгое время был председателем Джонгóвского сельсовета, несколько лет работал в экспедиции на Камчатке; хорошо знает традиционную культуру, старинные обычаи.

5. Кимонкó Кяндý Зандиевна (Камдигá) [С]; 1902-1976, родилась в Приморском крае, вышла замуж за хорского удэгейца и вместе с

ним переехала на Хор; малограмотная; охотник в колхозе, потом пенсионерка, соблюдала удэгейские обычаи, знала много сказок и рассказывала их детям.

6. Кимонкó Мичинá Дулевич [С]; 1902-1985; ликбез; бригадир в колхозе; участник художественной самодеятельности, прекрасно играл на удэгейских музыкальных инструментах и сам их делал.

7. Кимонкó Начи Вакулевна (Кялундзюгá) [С]; 1910-1975; ликбез; мастерица, шила обувь, одежду, делала нитки из сухожилий, шила из бересты ковры, туеса, ведра, ковши, чашки, любила рассказывать сказки и петь песни.

8. Кимонкó Степан Тупсянович [И]; 1928-1994; неполное среднее; радист-наблюдатель на метеостанциях на Хóре и Сукпáе, затем техник в лесхозе и пенсионер; хороший знаток традиционной культуры.

9. Кимонкó Япчú (Кялундзюгá) [С]; 1912-1949, родилась на Анúбе, с пяти лет жила на Хóре в семье будущего мужа (мать В.Т.Кялундзюги); ликбез; охотница-промысловик в колхозе "Ударный охотник"; хорошо знала удэгейские сказки, песни, игры, обряды.

10. Кялундзюгá Агденкá (Кимонкó) [С]; 1902 - год смерти не известен; ликбез; в последние годы пенсионерка; мастерица прикладного искусства.

11. Кялундзюгá Анна (Кялундзюга; удэгейское имя Нэмикú) [С]; 1920; начальное и курсы в Ленинграде; колхозница, выращивала овощи, ухаживала за коровой (охотой не занималась); активная участница художественной само-

деятельности, любительница петь песни и рассказывать сказки с напевами.

12. Кялундзюга́ Валентина Тунся́новна (Кимонко́) [И]; 1936; незаконченное высшее (пединститут в Хабаровске); работа в библиотеке и в клубе, затем председателем Джонго́вского сельсовета, ныне глава сельской администрации; хорошо знает удэгейский язык и культуру.

13. Кялундзюга́ Гуйсанка (Пианка) [С]; 1894-1969; неграмотная; занималась пошивом традиционной одежды и обуви, изготовлением лыж, всегда соблюдала старинные запреты, любила рассказывать сказки.

14. Кялундзюга́ Диренка́ Геу́гиевич [И]; 1933; незаконченное среднее (9 классов), затем учился в культпросветучилище; охотник Лазовского госпромхоза; хорошо знает традиционную культуру, исполнитель гонго́и (старинного танца с бубном).

15. Кялундзюга́ Евдокия Ба́товна (Кимонко́) [С]; 1918 (на р. Сукпа́й); начальное; колхозница, затем пенсионерка; до сих пор соблюдает запреты, верит шаманам и в существование злых духов, поет песни на родном языке.

16. Кялундзюга́ Забини́ Нямбу́евна (Кимонко́) [С]; 1909; ликбез; колхозница, затем пенсионерка; активно участвовала в художественной самодеятельности, исполняя старинные удэгейские сказки и песни, любит рассказывать сказки.

17. Кялундзюга́ Иргу́ Гайка́левич [С]; 1911-1974; ликбез, охотник в колхозе "Ударный охотник"; всегда соблюдал запреты, немного шаманил, любил рассказывать сказки и предания.

18. Кялундзюга́ Никита Нямбу́евич [С]; 1912 (на р. Кафэ́н), умер в конце 80-х годов; неграмотный; работал в колхозе, затем пенсионер; любитель рассказывать сказки и петь песни на родном языке.

19. Кялундзюга́ Семен Геу́гович [И]; 1930; неполное среднее; охотник Лазовского госпромхоза; знает некоторые элементы традиционной культуры, особенно охотничьи обычаи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

анат. - анатомический (термин)

атриб. функ. - атрибутивная функция

безлич. - безличный

безлич. констр. - безличная конструкция

буд. бл. вр. - будущее ближайшее время

буд. вр. - будущее время

букв. - буквально

в констр. - в конструкции

в т. ч. - в том числе

в функ. - в функции

в част. - в частности

взаим. - взаимный залог

вин. п. - винительный падеж

вок. - вокатив

вопр.-воскл. предл. - вопросительно-восклицательное предложение

вопр. глагол - вопросительный глагол

вопр. мест. - вопросительное местоимение

вопр. нар. - вопросительное наречие

вопр. предл. - вопросительное предложение

воскл. предл. - восклицательное предложение

вспом. глагол - вспомогательный глагол

геогр. - географический (объект)

глаг. имя - глагольное имя

давнопр. вр. - давнопрошедшее время

дат. п. - дательно-местный падеж

деепр. - деепричастие

деепр. обор. - деепричастный оборот

действ. з. - действительный залог

длит. - длительное действие

доп. - дополнение

доп. прид. предл. - дополнительное придаточное предложение

ед. ч. - единственное число

жел. накл. - желательное наклонение

завис. часть - зависимая часть (предложения)

им. п. - именительный падеж

имен. ч. сказ. - именная часть сказуемого

исх. п. - исходный падеж

кауз. - каузатив

кач. сущ. - качественное существительное

кол. нар. - количественное наречие

кол. числ. - количественное числительное

констр. - конструкция (синтаксическая)

констр. отраж. - конструкция отражения

л. - лицо

межд. - междометие

мест. - местоимение

мест. п. - местный падеж

мест. русск. - местное русское (выражение)

мн. ч. - множественное число

многокр. - многократное действие

многооб. - многообъектное действие

многосуб. - многосубъектное действие

назн. п. - назначительный падеж

напр. п. - направительный падеж

напр. ф. - форма направленности для совершения действия

нар. - наречие

наст. вр. - настоящее время

нег. - негидальский язык

неодуш. - неодушевленный

неопр. мест. - неопределенное местоимение

неопр. нар. - неопределенное наречие

неопр. числ. - неопределенное числительное

образ. сл. - образное слово

одновр. деепр. - одновременное деепричастие

однокр. - однократное действие

одуш. сущ. - одушевленное существительное

опред. - определение

орок. - орокский язык

отриц.-вопр. предл. - отрицательно-вопросительное предложение

отриц. предл. - отрицательное предложение

отриц.ф. - форма основного глагола в конструкции отрицания

пов. накл. - повелительное наклонение

пов. предл. - повелительное предложение

повт. ф. - форма повторного действия

позит. предл. - позитивное (не отрицательное) предложение

подл. - подлежащее

поряд. числ. - порядковое числительное

посл. - послелог

пр. вр. - прошедшее время

предл. - предложение

пренебр. - пренебрежительное (выражение)

прид. доп. предл. - придаточное дополнительное предложение

прид. предл. - придаточное предложение

прил. - прилагательное

прит. афф. - притяжательный аффикс

прит. суффикс - притяжательный суффикс

прич. - причастие

прич. наст. вр. - причастие настоящего времени

прод. п. - продольный падеж

разнонапр. - разнонаправленное действие

разносуб. - разносубъектное действие

сказ. - сказуемое

сложноподч. предл. - сложноподчиненное предложение

сложносоч. предл. - сложносочиненное предложение

собир. - собирательная форма имени

собир. числ. - собирательное числительное

совр. - современное (выражение)

соверш. деепр. - совершенное деепричастие

совм. ф. - форма совместимости (у существительных)

союз. сл. - союзное слово

ср. ст. - сравнительная степень

страд. з. - страдательный залог

страд. форма - страдательная форма (глагола)

сущ. - существительное

тв. п. - творительный падеж

тж. - тоже, id.

уд. - удэгейский язык

указ. мест. - указательное местоимение

уменьш. - уменьшительное (выражение)

усил. констр. - усилительная конструкция

усил. опред. - усилительное определение

усил. ф. - усилительная форма

услов. деепр. - условное деепричастие

устар. - устарелое (выражение)

утв. предл. - утвердительное предложение

фольк. - фольклорное (выражение)

функ. *см. в функ.*

част. - частица

числ. - числительное

шутл. шутливое (выражение)

эвен. - эвенский язык

эвенк. - эвенкийский язык

этн. - этнографический (термин)

УДЭГЕЙСКИЙ АЛФАВИТ

Утвержден Хабаровским крайисполкомом в январе 1989 г.

Подробное описание удэгейских фонем см. во "Введении" (раздел **3.2**.).

Черточка над гласной буквой означает, что фонема является "интенсивной плавной" ("долгой" в терминологии Е.Р.Шнейдера), крышечка над гласной – то, что фонема "интенсивная резкая" ("аспирированная" по Е.Р.Шнейдеру).

Перевернутый апостроф перед буквой символизирует “слабоинтенсивный отрывистый” гласный (“прерывный” по Е.Р.Шнейдеру).

Буква “ʒ“ передает среднеязычный звонкий смычный согласный, “њ“ - среднеязычный носовой, “ŋ” - заднеязычный носовой, “ɾ” - заднеязычный ртовый сонант. “ф”, “ɾ”, “р” и “ь” в начале слова не встречаются. “ь” употребляется лишь в сочетаниях “ль” (позиционный вариант фонемы [л]) и “нь” (редуцированная форма конечного слога *-ни*).

А а	Й й	С с
‘А ‘а	К к	Т т
Ā ā	Л л	У у
Â â	М м	Ӯ ӯ
Б б	Н н	Ŷ ŷ
В в	Њњ	ф
Г г	Ŋ ŋ	Х х
ғ	О о	Ч ч
Д д	‘О‘о	ь
Ʒ ʒ	Ō ō	Э э
И и	Ô ô	‘э
Ī ī	П п	Ē ē
Î î	р	Ê ê